

HAL
open science

Европейское дворянство и эволюция его идеала

Wladimir Berelowitch, Vladislav Rjeoutski, Igor Fedioukine

► To cite this version:

Wladimir Berelowitch, Vladislav Rjeoutski, Igor Fedioukine. Европейское дворянство и эволюция его идеала. Vladislav Rjeoutski (dir.); Igor Fedioukine (dir.); Wladimir Berelowitch (dir.). Идеал воспитания дворянства в Европе XVII–XIX века, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2018, *Studia Europaea*, 978-5-4448-0780-4. <hal-04149709>

HAL Id: hal-04149709

<https://hal.science/hal-04149709v1>

Submitted on 31 Jul 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Distributed under a Creative Commons Attribution - NonCommercial 4.0 International License

ИДЕАЛ ВОСПИТАНИЯ
ДВОРЯНСТВА В ЕВРОПЕ:

XVII–XIX века

Под редакцией

В. С. Ржеуцкого, И. И. Федюкина и В. Береловича

При участии М. Б. Лавринович

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2018

УДК 94(470+571)«1917»

ББК 63.3(2)535

И29

Редакторы проекта *Studia Europaea*

Д. А. Сдвижков (Германский исторический институт в Москве),

И. Ширле (Тюбингенский университет)

И29 Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 496 с.: ил. (Серия *Studia Europaea*)

ISBN 978-5-4448-0638-8

С XVII до XIX века модели воспитания дворянина в Европе претерпели сильные изменения, выразившиеся в новых институциональных формах и систематизации новых практик: распространении домашнего воспитания и образовательных путешествий, известных как Гран Тур, переводе преподавания с латыни на национальные языки, введении новых дисциплин с целью дать дворянину профессиональные навыки... Важнейшим элементом и движущей силой этих изменений была постоянная и все нарастающая циркуляция идей в европейском пространстве, поэтому в книге рассматривается эволюция моделей и практик воспитания дворянства разных европейских стран. Особое внимание уделяется Российской империи: история воспитания дворянства в этой части Европы менее разработана, чем для Западной Европы, в то время как изучение таких стран, как Россия, позднее включившихся в процесс обще-европейских культурных трансферов, позволяет сделать важные наблюдения и сравнения, проливающие свет на суть этого явления на всем Европейском континенте. Каковы были цели воспитания дворянина? В какой мере можно говорить о распространенности моделей дворянского воспитания в Европе и можно ли отметить их национальную или региональную специфику? Как именно эти модели адаптируются к целям модернизации и к социальным изменениям в местном контексте? Привела ли критика, которой подвергалось воспитание дворянства, к отказу в этой среде от традиционных практик воспитания? На эти и другие вопросы авторы этой книги дают свои ответы.

УДК 94(470+571)«1917»

ББК 67.408-1(2)511

Фото на обложке: Дж. Кваренги. Смольный институт в Санкт-Петербурге (1806–1808 гг., Государственный Эрмитаж).

© Авторы, 2018

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

Владимир Берелович, Владислав Ржеуцкий, Игорь Федюкин

ЕВРОПЕЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ ЕГО ИДЕАЛА ВОСПИТАНИЯ

*

Можно ли применительно к «длинному» XVIII веку говорить о едином европейском дворянстве, было ли у дворянства различных европейских стран и регионов достаточно общего, чтобы сделать возможными сопоставления между ними?¹ Вопрос этот может показаться риторическим, но от ответа на него зависит и сама возможность — или невозможность — сравнивать образовательные идеалы дворянства европейских стран и созданные им в эту эпоху системы обучения.

Разумеется, мы не первые, кто ставит такой вопрос: начиная с Монтескье, Гизо, Токвиля и вплоть до Макса Вебера ролью дворянства в истории Европы интересовались очень многие. В их трудах вопрос о единстве европейского дворянства часто оказывался неразрывно связан с двумя другими: с вопросом о его происхождении, его романских или германских корнях и с вопросом о границах территории, которую мы готовы считать «Европой». Подъем экономической и социальной истории в XX веке поставил целый ряд дополнительных вопросов: о зарождении, развитии, хронологических и географических границах «феодализма», о характере отношений между крестьянами и сеньорами. При этом исходные проблемы ничуть не стали менее актуальными.

На протяжении последних десятилетий, впрочем, историография двигалась скорее к отказу от широких обобщений в сторону дифференциации подходов и более пристального изучения отдельных

¹ О возможности сравнения в истории вообще и сопоставительного изучения дворянства разных стран в частности см.: *Leonhard J., Wieland Ch.* (Eds.). *What Makes the Nobility Noble? Comparative Perspectives from the Sixteenth to the Twentieth Century.* Göttingen, 2011. P. 7–8; *Confino M.* *Russia before the «radiant future».* *Essays in Modern History, Culture, and Society.* New York, 2011. P. 119–122.

кейсов. Тем не менее потребность в обобщении как таковом никогда не исчезала, а сейчас, как кажется, опять приобретает особую актуальность — может быть, именно благодаря появлению большого числа специальных исследований. Можно отметить несколько вышедших в последние десятилетия монографий и коллективных трудов, среди которых наиболее систематической попыткой описания дворянства стал двухтомник под редакцией Хамиша Скотта². Компаративный подход просматривается и во многих более специальных работах, посвященных тому или иному «национальному» или региональному дворянству, особенно если речь в них идет о XVII и XVIII веках. При этом само понятие дворянства, которое вошло в оборот и, как казалось, раз и навсегда закрепилось в результате трансъевропейской циркуляции понятий именно в период Нового времени, было вновь поставлено под вопрос некоторыми историками, изучавшими его происхождение³.

Что касается российского дворянства, то вопрос о самой возможности его сопоставления с дворянством тех или иных западных стран или с западным дворянством в целом стал предметом для самых разных, зачастую прямо противоположных суждений историков и, шире, всех, кто, начиная с XVI века, на этот счет высказывался, — западных и российских путешественников, писателей, философов, вельмож, политических деятелей. Среди историков этот вопрос ставили, с конца XIX века, А. В. Романович-Славатинский и В. О. Ключевский, а позже, во второй половине XX века, Марк Раев, Майкл Конфино, Роберт Крамми, Исабель де Мадариага⁴.

² Приведем несколько примеров публикаций (в хронологическом порядке): *Meyer J.* Noblesse et pouvoirs dans l'Europe d'Ancien Régime. Paris, 1973; *Labatut J. P.* Les noblesses européennes de la fin du XVe à la fin du XVIIIe siècle. Paris, 1978; *Lieven D.* The aristocracy in Europe, 1815–1914. New York, 1992; *Scott H. M.* (Ed.). The European nobilities in the seventeenth and eighteenth centuries. T. 1: Western Europe. T. 2: Northern, Central and Eastern Europe. London; New York, 1995; *Dewald J.* The European nobility, 1400–1800. Cambridge, 1996; *Werner K. F.* Naissance de la noblesse. L'essor des élites politiques en Europe. Paris, 1998.

³ См., например: *Schalk E.* From valor to pedigree. Princeton, 1986.

⁴ Укажем в качестве примера некоторые работы (в хронологическом порядке): *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870; *Он же.* Курс русской истории // Сочинения. Т. 5. М., 1958. С. 160–185; *Ключевский В. О.* Евгений Онегин и его предки // Сочинения. Т. 7. М., 1959. С. 408–422; *Blum J.* Lord and peasant in Russia from the 9th to the 19th century. Princeton, 1961; *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-century

Конечно, российские и западные историки в принципе никогда не сомневались в существовании российского дворянства как такового. Однако относительно поздний характер его признания государями — Петром Великим в законодательном акте 1714 года, затем Петром III, освободившим дворян от обязательной службы в 1762 году, и, наконец, Екатериной II с ее Жалованной грамотой дворянству 1785 года — делал само понятие «дворянство» в России еще более неопределенным, чем в западных странах, что подталкивало к рассмотрению российского дворянства как особого случая. Заметные расхождения мнений по этому вопросу порой выливались в оживленную полемику, делая необходимым более точное определение понятия дворянства. Поэтому изучение «периферийного» российского случая в сравнительной перспективе представляет интерес не только для истории России, но и для европейской истории.

В своих «Записках», написанных в конце XVIII века, кардинал де Берни определял дворянство так:

Профессия военного или законодателя — первый отличительный признак дворянина; древность и родовитость семьи — второй; известность, добытая либо благодаря величию свершенных подвигов, либо благодаря величию заключенных брачных союзов, — третий; власть и господство над некоторой частью государства — четвертый; наконец, необходимые и основные признаки истинного и великого благородства суть чистота происхождения, состоящая в потомственном наследовании истинно благородным отцам и матерям,

Nobility. New York, 1966; *Confino M.* Histoire et psychologie: à propos de la noblesse russe au XVIIIe siècle // *Annales E. S. C.* 1967. № 22 (6). P. 1163–1205; *Becker S.* Nobility and privileges in late imperial Russia. Dekalb, 1985. Ch. 1; *Crummey R. O.* Aristocrats and servitors. The Boyard elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983. P. 168–174; *Noblesse, État et société en Russie, XVIe — début du XIXe siècle.* Cahiers du monde russe et soviétique 1993. № 34 (1–2), см., в частности, статьи: *Confino M.* À propos de la notion de service dans la noblesse russe aux XVIIIe et XIXe siècles. P. 47–57; *Raeff M.* En guise de conclusion. P. 277–283; *Madariaga I. de.* The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries // *Scott H. M.* (Ed.). The European nobilities in the seventeenth and eighteenth centuries. T. 2. 1995. P. 223–273; *Berelowitch A.* La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime (XVIe–XVIIe siècles). Paris, 2001. Нужно добавить также исследования рано ушедшей Мишель Ламарш-Маррезе: *Lamarche-Marrese M.* A woman's kingdom. Noblewomen and the control of property in Russia 1760–1861. Cornell, 2002, и «The poetics of everyday behavior» revisited. Lotman, gender, and the evolution of Russian noble identity // *Kritika.* 2010. № 11 (4). P. 701–739.

и достоверность происхождения, которая должна доказываться прежде всего общественным мнением, историей и, в частности, семейными документами, не внушающими подозрений⁵.

Принадлежность к военному или административному сословию, несение государственной службы, благородное происхождение, обладание властью на местном уровне, общественное признание — эти выделенные кардиналом де Берни критерии по сути в сжатом виде воспроизводит и Екатерина II в ее «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (статья А1). Она пишет: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное». Однако приступая к рассмотрению особенностей дворянства в той или иной стране, мы неизбежно сталкиваемся с целым рядом дополнительных параметров, таких, например, как существование в данном обществе законных путей к приобретению статуса дворянина (и каких именно?); степень зависимости провинциального дворянства от монархии; сравнительная важность военной и административной профессий; иерархическое расслоение в пределах самого дворянского сословия; возможный многонациональный и многоконфессиональный характер дворянства, раскалывающий его изнутри; относительная численность дворян в каждом конкретном обществе; чрезвычайно важный вопрос о способе наследования титулов и владений; представления о дворянской чести; набор ценностей, определяющих дворянскую идентичность. Список подобных параметров может быть продолжен.

Сочетание этих различных элементов — в зависимости от эпохи, страны и относительного значения каждого из них — определяет множественность типов дворянства и позволяет проследить конкретную историю местного дворянства с присущими ему особенностями. Так, во всех европейских монархиях, даже в России, можно начиная с конца XVI века отметить усиление роли «дворянства мантии» («профессия законодателя» по Берни), но во Франции этот процесс был более широким и продолжительным, чем в любой

⁵ *Bernis cardinal de. Mémoires et lettres.* Т. 1. Paris, 1878. P. 126.

другой стране⁶. Принуждение дворян к службе в армии в Пруссии-Бранденбурге при Фридрихе Вильгельме I весьма похоже на то, что Петр Великий делает примерно тогда же в России, сближая эти социальные группы двух стран и в некоторой степени отдаляя их от дворянства остальной Европы, традиционно сохранявшего значительную степень личной свободы. Или возьмем формирование сословия пэров (peerage) в Англии: хотя, разумеется, во всех европейских странах определенные круги дворянства пытались, с большим или меньшим успехом, образовать элиту элит, законодательно оформить политические привилегии местных магнатов им удалось только здесь. Подобные примеры можно было бы множить: типология дворянских сословий приобретает различный вид в зависимости от выбранных критериев описания.

Как же в этом случае обстояло дело с российским дворянством? Было ли оно «европейским»? Даже если ограничиться историками, спектр суждений достаточно широк. На одном полюсе мы находим, например, работы Майкла Конфино, утверждавшего в одной из своих статей, что российское дворянство безусловно отличалось от аналогичных сословий Центральной и Западной Европы, но не больше, чем эти сословия отличались друг от друга⁷. Однако большинство других историков (Марк Раев, Исабель де Мадариага, Доминик Ливен, следующие в этом отношении за российскими авторами XIX и начала XX века) склонны, скорее, считать, что российское дворянство стояло по отношению к Европе особняком. Не притязая разрешить этот спор, ограничимся указанием на несколько возможных путей исследования проблемы.

— *Численность и состав.* Часто пишут, что российское дворянство было крайне малочисленным, — видимо, с целью подчеркнуть контраст между этой группой и крестьянской массой. В конце XVIII века в России, исключая польские, прибалтийские области и Украину, насчитывалось 105 тысяч дворян обоего пола при общей численности населения 11 миллионов, — таким образом, доля дворянства составляла 0,95%. Это очень небольшая социальная группа,

⁶ *Richet D.* Elite et noblesse: la formation des grands serviteurs de l'Etat (fin XVIe — début XVIIe siècle) // *Richet D.* De la Réforme à la Révolution. Études sur la France moderne. Paris, 1991. P. 163.

⁷ *Confino M.* À propos de la notion de service. P. 57; *Idem.* Russia before the «radiant future». P. 119–140.

если сравнивать с аналогичными показателями в Польше (от 8 до 10% населения) или Испании (4,6%), но все же превосходящая относительной численностью французское дворянство (0,5%)⁸. В абсолютных показателях, однако, это довольно значимая группа, и ее присутствие в обществе было вполне заметным. Уже здесь, однако, видна еще одна проблема: а кого именно мы должны включать в состав «российского дворянства» в многоциональной империи, как соотносятся между собой понятия «имперская элита» и «российское дворянство»? Даже смоленская шляхта сохраняла свою юридическую и служебную обособленность вплоть до середины, а культурное своеобразие и отдельную идентичность — вплоть до конца XVIII века, а то и позднее. Что уж говорить об украинской старшине и других этнических и конфессиональных группах! Исследование Людмилы Посоховой показывает, насколько малороссийская старшина отличалась от русского дворянства, в том числе в отношении своего образовательного идеала и стратегий. Впрочем, подобная гетерогенность дворянства Российской империи не уникальна: мы находим ее по всей Европе, от Великобритании до владений Габсбургов.

— *Дворянство и государственная служба*. Как и в других странах в тот или иной (обычно древний) период их истории, российское дворянство находилось в подчинении у монарха, служа ему и тем самым «отечеству». Надо, однако, иметь в виду, что в России, начиная с XVI века, дворяне принуждались к такой службе и, что важно, это принуждение было чрезвычайно ужесточено при Петре Великом. Подчиненное положение российского дворянства в XVII и начале XVIII века, пишет, например, Крамми, сближает его скорее с элитами Османской империи, чем с европейскими дворянами⁹. Даже после 1762 года на российском дворянстве по-прежнему лежала печать подчиненности государству, тем более, что лишь небольшая его часть могла вести «достойный дворянина» образ жизни за счет доходов от поместья, для большинства же служба в армии, в гражданской администрации и при дворе была необходимым источником средств для существования, но она также становилась и частью

⁸ См.: Madariaga I. de. The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries. P. 249.

⁹ Crummeу R. O. Aristocrats and servitors. P. 168–169.

этого дворянина¹⁰. По мнению некоторых историков, это положение во многом объясняет особое политическое развитие России¹¹. Впрочем, добавим мы, прусское дворянство пережило сходную эволюцию, хотя, видимо, в менее униزительной форме.

Как справедливо указывают историки, большую роль играла Табель о рангах 1722 года, которая увязывала доступ к дворянскому достоинству со службой государю, тем самым облегчая доступ недворянских элементов к этому сословию¹², в то время как в монархиях Западной Европы принадлежность к дворянству была, как иногда представляют, основана на принципе наследования. На это другие историки не менее справедливо возражают, что и в Англии, и (хотя и в меньшей степени) во Франции дворянство не было в XVIII веке закрытой кастой и постоянно подпитывалось притоком буржуазных элементов; что служба государю как источник «чести» и как моральный императив была очень важна и для западноевропейского дворянства (например, французского)¹³; наконец, что табели подобного рода были созданы в Дании, Швеции и Пруссии раньше, чем в России, которая лишь следовала этим образцам. Предполагается, что для России была характерна исключительно высокая значимость этой иерархии чинов в жизни дворян: мы привыкли считать, что чем бы дворянин ни занимался, им владела постоянная, доходившая до настоящей одержимости забота о восхождении по ступеням Табеля. Насколько, впрочем, этот стереотип соответствует реальности, нам еще предстоит выяснять¹⁴.

— *Связь между государственной службой и владением землей. Изначально существовавшая в любой стране, в случае российского*

¹⁰ Во всяком случае, никакого массового «бегства» дворянства со службы после 1762 года наблюдать не приходится. *Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)*. СПб., 1994. С. 41.

¹¹ М. Конфино критикует редукционизм этого тезиса, сводящего этос и менталитет российского дворянства к службе монархии. См.: *Confino M. Russia before the «radiant future»*. P. 122–123.

¹² Как напоминает Конфино, потомственные дворяне могли передавать своим детям дворянское достоинство вне всякой связи со службой. *Confino M. Russia before the «radiant future»*. P. 125–126.

¹³ *Confino M. Russia before the «radiant future»*. P. 130–135.

¹⁴ Ю. М. Лотман, основываясь прежде всего на мемуарных источниках, утверждал наоборот, что в кругах поместного дворянства, зачастую родовитого, считалось хорошим тоном демонстрировать презрение к чину. *Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре*. С. 38.

дворянства связь эта была особенно прочной и длительной: разорвана она была, наконец, лишь при Петре Великом, когда государственная служба стала обязательной, а поместья по своему статусу сравнялись с вотчинами. Кроме того, на протяжении XVIII века дворяне требовали и наконец добились монопольного права на владение крепостными крестьянами, которые — еще одна особенность России — составляли их главное богатство. Российские монархи продолжали раздавать в награду за оказанную службу и пустые земли, и населенные поместья, и эта практика сохранялась вплоть до царствования Александра I. На протяжении всей первой половины XVIII века, однако, право владения и унаследованными, и благоприобретенными имениями не было ничем гарантировано, так что монарх мог забрать дарованное обратно. Всего с 1700 по 1755 год насчитывается 128 случаев конфискации земель осужденных или ввавших в немилость сановников, в частности в результате смены государей и дворцовых переворотов¹⁵. Эта практика, прекратившаяся только с воцарением Екатерины II, была одним из главных источников беспокойства для тогдашних вельмож, в то время как в остальной Европе ничего подобного не наблюдалось.

— *Древность и титулы*. Вымирание многих древних родов, прежде всего в XVI, но также в XVII и XVIII веках, было не специфически российским явлением, а результатом естественных демографических процессов — с той оговоркой, что правление Ивана Грозного, последствия которого ощущались вплоть до Смутного времени, было в этом отношении особенно пагубным. К тому же российские государи — и в этом отличие России от той же Франции — не имели в своем распоряжении альтернативных источников кадров для государственной службы и были вынуждены искать таких людей за пределами России, особенно часто — на Украине и в присоединенных прибалтийских областях; с аналогичной практикой мы встречаемся и в других странах, а именно в монархии Габсбургов. С другой стороны, отличительной особенностью России было то, что вплоть до воцарения Петра единственными титулами, передаваемыми по наследству, были княжеские, восходившие в основном к правящим семействам Рюриковичей и Гедиминовичей. В XVIII века титул князя

¹⁵ *Madariaga I. de*. The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries. P. 254.

иногда присваивается и выходцам из низших сословий, но происходит это крайне редко: можно отметить лишь считанные примеры, причем именно в правление наиболее тиранических государей (один случай при Петре Великом, три при Павле I).

Как и всюду в Европе, в России представители аристократических родов, особенно княжеских, испытывали ностальгию по своему былому величию и враждебность в отношении выскочек — чувства, которые в ряде случаев могли выражаться открыто, как, например, в выступлении князя М. М. Щербатова на заседании Комиссии по составлению нового Уложения в 1767 году. Хотя сегодня историки и склонны делать акцент на подобных настроениях, можно предположить, что они — вероятно, из-за своего разрозненного характера и вследствие «первичной централизации»¹⁶, осуществленной в XV и XVI веках, — были не так сильны и, главное, не так активно проявлялись, как в дворянской среде на Западе. Насколько эти настроения, следы которых можно обнаружить как в частных документах, так и в проектах реформ, действительно являются эхом пережитой дворянством при Иване Грозном и при Петре Великом травмы, а насколько воспроизводят клише, почерпнутые из западноевропейской литературы, остается пока открытым вопросом. Кроме того, мясорубка, в которой российское дворянство побывало при Иване Грозном и при Петре Великом, в известной мере ослабила в дворянских семьях обостренное ощущение исторической преемственности, характерное для истории дворянства большинства западных стран, даже во Франции и в Англии. Документы Герольдии показывают, что в послепетровскую эпоху большинство определяющихся на службу недорослей не способны ничего сказать о своих предках даже в пределах двух-трех поколений. Впрочем, уже к середине столетия дворяне «вспоминают» своих предков, и способность назвать московские чины (но не обязательно имена) своего прадеда или прапрадеда становится довольно обычной.

— *Стратификация дворянства*. В имущественном отношении принадлежность к тому или иному слою дворянства определялась в XVIII веке размером имения, выраженным в количестве мужских

¹⁶ Выражение, использованное Андре Береловичем в работе: *Berelowitch A. Plaidoyer pour la noblesse moscovite. À propos des affaires d'honneur au XVIIe siècle // Noblesse, État et société en Russie XVIe — début du XIXe siècle. Cahiers du monde russe et soviétique 1993. P. 132.*

ревизских душ. Если мы говорим о высшем слое, речь идет о крайне узкой (порядка одного процента) группе помещиков, владеющих более чем 1000 крепостных мужского пола каждый. При этом реальный статус дворянина определялся богатством в значительно большей степени, чем титулом и древностью рода, но таким же во многом было положение английского дворянства¹⁷. Важно, однако, помнить, до какой степени принадлежность к знати зависела от чина — в этом отношении российское дворянство представляло собой действительно крайний случай. После смерти Петра Великого, однако, сложилась и другая группа, называвшаяся *генералитетом*: она включала в себя обладателей четырех высших чинов по Табели о рангах¹⁸, образовавших подобие настоящего сословия. В то же время нет уверенности, что такая зависимость статуса от чина всегда и всюду порождала острые противоречия и вступала в конфликт с идеалом древности рода среди аристократии. Что же касается мелкопоместных дворян, имения которых не превышали 100 душ, то во второй половине XVIII века они составляли более 80% всего сословия и большая часть из них имела не более 20 душ¹⁹. Еще более, чем для среднего и высшего дворянства, служба была для них необходимостью и единственной возможностью социального продвижения.

В культурном отношении самое бедное дворянство мало отличалось от некоторых недворянских социальных групп: иностранные путешественники в России не раз отмечали, что бедный дворянин по своему стилю жизни иногда больше походил на крестьянина, чем на дворянина. Для высших должностных лиц империи обеднение дворянства и его «недворянский» образ жизни представляли проблему²⁰. Впрочем, граница между высшим и низшим сегментами дворянства существовала повсюду в Европе и основывалась в значительной мере на культурных отличиях между ними²¹, поэтому можно поставить вопрос о реальной принадлежности низшего сегмента дворянства к благородному сословию.

¹⁷ *Confino M.* Russia before the «radiant future». P. 128.

¹⁸ См.: *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick NJ, 1986.

¹⁹ См. подробные данные в: *Мионов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 2003. Т. 1. С. 89.

²⁰ См. об этом: *Confino M.* Russia before the «radiant future». P. 129.

²¹ *Leonhard J., Wieland Ch.* (Eds.). What Makes the Nobility Noble? P. 13.

— *Участие в центральном и местном управлении.* В отличие от других европейских стран российское дворянство лишь в 1785 году получило от монарха законодательные гарантии своего юридического статуса и личных «вольностей». Впрочем, никаких прав в политическом плане екатерининская грамота российским дворянам не давала, и это не то чтобы обособляло их в сравнении с другими европейскими дворянами, но все же помещало в самую нижнюю точку диапазона политического влияния, каким дворянство вообще могло располагать. Разумеется, главные должности в армии и в системе управления были в большинстве случаев монополизированы высшим дворянством, но юридическая незакрепленность политического влияния российского дворянства не позволяла ему образовать *Stand* в подлинном смысле слова. Административная реформа 1775 года хотя и предоставила провинциальному дворянству возможность занимать целый ряд оплачиваемых должностей в провинциях и уездах, все же не сделала его носителем политической власти на местном уровне. Безусловно, как заметил М. Конфино, российский помещик нес ответственность за свое имение или, говоря точнее, за своих крепостных, над которыми имел огромную власть, включая во многом и власть судебную²². Однако эта ответственность никак не идет в сравнение с теми полномочиями на провинциальном уровне, которыми обладали английские, австрийские, польские и другие дворяне, в том числе (несмотря на их обязательную военную службу) и прусские помещики (юнкеры). Не видим мы, как кажется, и сколько-нибудь консолидированных местных дворянских групп, которые могли бы действовать как политические акторы — самостоятельно или составляя базу поддержки (через патрон-клиентские сети) оппозиционных правительству магнатов. С этой точки зрения слабая региональная укорененность российского дворянства была в Европе уникальным явлением.

— *Имена и наследование.* В XVIII веке титулы (князей, графов, баронов) передавались по наследству всем потомкам, из которых тем самым составлялись, по меньшей мере в мужской их части, дворянские *роды*; некоторые историки даже называют такие роды кланами. В XVII веке роды проявляли исключительную активность в борьбе как за чины, так и за право наследования имений;

²² *Confino M. Histoire et psychologie. P. 366.*

их удивительная способность к социальному самовоспроизводству, которую мы наблюдаем в следующем столетии, еще требует изучения. Однако наряду с титулами сыновьями также наследовались в равных долях и земельные владения; при этом определенная часть отходила и дочерям. Такой обычай наследования, который не смог поколебать даже петровский указ 1714 года, был характерен не только для российского дворянства. Мы встречаемся с ним также в Польше и в некоторых частях Пруссии-Бранденбурга. Следствием подобной практики становилось, как хорошо известно, дробление земельных владений. Поскольку дворянские семьи в России по большей части были многодетными и в них нередко было несколько сыновей, принцип равного наследования закономерно порождал способы поведения, образовательные практики, матримониальные стратегии и личные карьеры, принципиально отличные от тех, которые наблюдались во Франции или в Англии, где старший сын становился одновременно носителем титула и владельцем основного имения. В отличие от аристократов Польши, Дании, Богемии, даже Пруссии российские вельможи все же не преуспели в сохранении своих имений до такой степени, чтобы сформировать устойчивую группу магнатов (впрочем, на сегодня пока еще отсутствуют исследования, которые позволили бы нам составить ясное представление об эволюции крупных дворянских состояний). Российское дворянство пыталось противодействовать процессу измельчания имений, в частности, с помощью матримониальных союзов²³.

Этот краткий обзор позволяет нам представить общие контуры дворянства европейских стран. Среди них выделяются Восточная²⁴ и Северная Европа, где в сравнении с такими странами, как Англия, Франция, Испания, княжества и герцогства Италии, дворянство было более зависимо от государства, не вполне четко оформлено в качестве сословия (*Stand*), а порой и ослаблено дроблением имений в результате равного наследования всеми сыновьями. В рамках этой группы стран Северной и Восточной Европы

²³ См. статьи Ольги Кошелевой, Павла Седова, Андрея Павлова в издании: *Berelowitch A., Berelowitch W., Joukovskaïa A.* (Dir.). *Famille et mobilité sociale en Russie, XVIe-XVIIIe siècles.* Cahiers du monde russe. 2016. Т. 57 (2-3).

²⁴ Дж. Блум (*Blum J.* *Lord and peasant*) относит к этой зоне и российское дворянство.

Россия, без сомнения, оказывается вполне сравнимой со своими соседями, хотя и представляет собой, начиная с XVII века, крайний случай²⁵.

Для понимания своеобразия российского дворянства следует учитывать еще несколько обстоятельств. Первое из них — его относительно изолированное положение: в отличие от любой другой европейской страны (об этой исключительной ситуации часто забывают²⁶), российское дворянство не поддерживало почти никаких связей еще с одним привилегированным сословием — православным духовенством, которое в XVIII веке перестало быть его социальным партнером, так же как церковь перестала быть для дворян одним из возможных вариантов карьеры. Вторым фактором — хронологический. В России, как уже отмечалось, дворянство начало оформляться как особая консолидированная группа лишь в начале XVIII века как результат социальной инженерии Петра Великого, обязавшего дворян нести пожизненную службу. Понадобилось менее двух поколений, чтобы российское дворянство освободилось от принудительной службы и начало длительную эволюцию, в ходе которой формируется его идентичность как социальной группы. В ходе этой так и не завершенной эволюции оно осуществило — и в этом заключается третий фактор — колоссальный культурный разворот, так называемую «вестернизацию», все заметнее сближавшую его с дворянством Западной и Центральной Европы. Немаловажно, что «вестернизация» происходила с преимущественной ориентацией на дворянство двух западных стран: французское, у которого российские дворяне заимствовали модели социокультурных практик, и английское, которым они все больше восхищались и по образцу которого надеялись утвердить свой общественный и даже политический статус. Наконец, четвертый фактор — воспитание и образование, представлявшиеся российским дворянам наиболее действенным, хотя и дорогостоящим инструментом «процесса цивилизации»,

²⁵ «Именно это сочетание формы землевладения, семейной солидарности, принудительной государственной службы и ограниченности региональной власти и сословных прав придало российской аристократии XVII века уникальный характер». См.: *Crummey R. O. Aristocrats and servitors. P. 174.*

²⁶ Исключение составляют работы Исабели де Мадариага (*Madariaga I. de. The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries. P. 269*) и Роберта Крамми (*Crummey R. O. Aristocrats and servitors. P. 169–170*).

но также и важнейшим социальным маркером²⁷. Действительно, для дворянства воспитание становится одним из главных средств показать свое культурное отличие (*distinction, distinctiveness*). Это сыграло большую роль в воспроизводстве идентичности дворянина на протяжении нескольких веков, что нельзя объяснить только традицией, успешной борьбой за ведущие позиции в обществе или сохранением социальной и экономической дистанции по отношению к другим социальным группам²⁸. Во всех этих процессах российская знать, без сомнения, играла роль главной движущей силы.

Следствием вестернизации российского дворянства XVIII века, как предположил еще В. О. Ключевский, стала его оторванность от своих национальных традиций. Этот тезис был подхвачен и развит Марком Раевым²⁹. Одной из причин этого «отчуждения»³⁰, по мнению Ключевского и Раева, было получаемое дворянством европейское воспитание³¹. Подробное изложение и критическую оценку основных тезисов книги М. Раева дал М. Конфино³², который, в частности, обратил внимание на цену вестернизации³³. Как уже было сказано, во второй половине XVIII века более 80% всех дворян в России владели не более чем сотней душ. Около 15% помещиков владели от 101 до 500 крепостных, и 3% всех дворян владели более 500 крепостных³⁴. Материальный уровень мелкопоместного дворянства не позволял ему мечтать об образе жизни высшего и среднего дворянства, включая воспитание детей, которое те могли себе позволить, — не только

²⁷ Впрочем, не только и, возможно, не столько по отношению к другим социальным группам, сколько внутри самого дворянства, бывшего, как было сказано, весьма неоднородной социальной группой.

²⁸ *Leonhard J., Wieland Ch. (Eds.). What Makes the Nobility Noble? P. 9–10.*

²⁹ *Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. М., 1958. С. 160–185; Он же. Евгений Онегин и его предки // Он же. Сочинения. Т. 7. М., 1959. С. 408–422; Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-century Nobility. New York, 1966.*

³⁰ *Alienation*, как его называет Раев.

³¹ И Ключевский, и Раев обращают большое внимание на образование дворянства как ключевой для решения этой проблемы вопрос. Этому вопросу посвящена гл. 4 книги Раева (*Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. P. 122–147*).

³² *Confino M. Sociétés et mentalités collectives en Russie. Paris, 1991. P. 345–387.*

³³ О цене «вестернизации» для российского дворянства см. также: *Kahan A. The Costs of «Westernization» in Russia: The gentry and the economy in the eighteenth century // Slavic Review. Vol. 25, 1 (1966). P. 40–66.*

³⁴ *Мионов Б. Н. Социальная история России. СПб., 2003. Т. 1. С. 89.*

заграничные путешествия и домашних учителей, но даже частные школы или пансионы. Для низшего слоя дворянства единственной реальной возможностью получить качественное образование были государственные дворянские школы, подобные Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу, которые во многом для этой цели и создавались. Конечно, многие бедные дворяне получали какое-то образование через неформальные каналы — с помощью родственников, сослуживцев и подчиненных отца и т. д., однако об этих каналах мы знаем мало. Существовала и сеть простейших школ — цифирных, адмиралтейских, гарнизонных, — которыми пользовались в том числе и беднейшие дворяне. Ясно, однако, что этот обширнейший слой дворян не имел собственных средств на хорошее образование. Хотя, как показывают новейшие исследования, грамотность (умение читать и писать по-русски) уже в 1720–1730-х годах была нормой, а не исключением в среде российского дворянства³⁵,

³⁵ Показатели грамотности и образованности, разумеется, сильно колеблются в зависимости от того, о каком периоде и сегменте дворянства идет речь. Так, А. Захаров обнаружил, что 92,5% «царедворцев» (группа численностью около 4 тысяч человек, включавшая служилые чины стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов, но не включавшая армейских офицеров) были грамотны в 1720-х годах. *Захаров А. В. Грамотность царедворцев в эпоху Петра I // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 4 (35). С. 24–33.* По данным А. Феофанова, из явившихся в 1732–1735 годах на смотр 436 дворянских недорослей старше 15 лет, 73% которых были из семей беднейшего дворянства (не более 20 душ), около 40% были неграмотными. *Феофанов А. М. Социальная мобильность дворянства Российской империи XVIII века: на примере послепетровского поколения // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 4 (65). С. 50–57.* Причем (не)грамотность дворян напрямую коррелирует с материальным уровнем семьи: только 6% неграмотных были из семей, владевших более 20 крепостных. В то же время бедность необязательно означала неграмотность: 25% грамотных были из безземельных семей. Там же. С. 53. Доля неграмотных дворян в этом возрастном слое могла быть ниже, так как в этой группе, например, отсутствуют дети генералитета. И. И. Федюкин, основываясь на документации «разбора» недорослей 1736 года, показал, что из 714 явившихся (из них около 82% в возрасте от 9 до 18 лет) доля самых бедных (не более 20 душ) составляла 56%, еще 29% владели от 21 до 100 душ; полностью грамотными (умели читать и писать) были признаны 60%, полностью неграмотными — 23%. И в этом случае имущественный фактор был ключевым: 84% неграмотных были из семей, владевших не более чем 20 крепостными; так же как в исследовании Феофанова, бедность далеко не всегда имела следствием неграмотности: 43% всех полностью грамотных были из таких же бедных семей. В 1745 году при весьма схожей имущественной структуре из 658 заявившихся недорослей 47% были полностью грамотны, 23,5% полностью неграмотны и, так же как в 1736 году, неграмотность коррелирует с бедностью. *Федюкин И. И. Грамотность и образованность дворянских недорослей, конец 1730-х — 1740-е гг. Тезисы к выступлению на конференции «Грамотность и образованность как явления и понятия в России XVIII века» 25 апреля 2015 г., НИУ ВШЭ.*

в подавляющем числе случаев домашнее образование дальше этой элементарной грамотности не шло³⁶. Таким образом, если, следуя за М. Раевым, говорить о дворянском воспитании как об одной из причин «отчуждения» этой социальной группы, очевидно, что речь может идти лишь о верхушке дворянского сословия, хотя, конечно, эта группа имела огромный вес в жизни страны. Тем не менее даже если ограничиться высшим и средним дворянством, тезис об оторванности дворянства от своего народа и от русской действительности является, по мнению Конфино, недоказанной и труднодоказуемой гипотезой. Дихотомистский подход, предполагающий, что невозможно сочетать воспитание по западному образцу с любовью к отечеству, страдает анахронизмом, поскольку переносит на людей XVIII века представления более позднего времени, сформировавшиеся под влиянием национальной матрицы³⁷. Можно предположить, что для русских дворян XVIII века не существовало таких четких бинарных оппозиций. Как показывает анализ языкового поведения некоторых русских дворян³⁸, они могли обладать гибридной культурой, позволявшей им актуализировать ту или иную сторону их идентичности в той или иной ситуации — активно использовать иностранные наречия и любить родной язык. М. Ламарш-Маррезе, опираясь на материал переписки и документы дворянских архивов, в одной из своих статей³⁹ также поставила под сомнение представления об оторванности российского дворянства от своей культуры,

³⁶ Из 714 недорослей «разбора» 1736 года только 32 (4,5%) заявили о наличии дополнительных знаний, помимо умения читать и писать по-русски. В 1745 году у 8 (из 658) заявивших о дополнительных знаниях медианное число душ было 354, что позволяет отнести эти семьи к среднему дворянству. Феюкин И. И. Грамотность и образованность дворянских недорослей.

³⁷ На ограниченность этого подхода обращает внимание и Ян Кусбер: *Kusber J. Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung. Stuttgart, 2004. S. 18 (сноска 57)*. Конечно, все сказанное не означает, что мы не встречаем в эту эпоху в дворянской среде резко критического отношения к властям, к российским обычаям и порядкам и т. д., о таких случаях хорошо известно, в том числе из материалов Тайной канцелярии и других следственных органов.

³⁸ См. пример гр. Строгоновых: *Rjéoutski V., Somov V. Language Use among the Russian Aristocracy: The Case of the Counts Stroganov // Offord D. et al. (Eds.). French and Russian in Imperial Russia. Vol. 1. Edinburgh, 2015. P. 61–83.*

³⁹ *Lamarche-Marrese M. «The poetics of everyday behavior» revisited. Lotman, gender, and the evolution of Russian noble identity // Kritika. 2010. № 11 (4). P. 701–739.*

разорванности его сознания и существовании у дворянина внутреннего психологического конфликта, о чем писал Ю. М. Лотман. В публикуемых здесь исследованиях вопросы исторической психологии дворянства отходят на второй план, а главное внимание авторов, в соответствии с названием сборника, обращено на проблему создания у дворянства специфического идеала воспитания как неперенного элемента корпоративной идентичности, способствовавшего превращению этой социальной группы в полноценное сословие.

*

В 2014 году в Москве была организована конференция «Идеал воспитания дворянства в Европе», которая прошла при поддержке Германского исторического института в Москве, НИУ Высшая школа экономики, Высшей школы общественных наук (EHESS, Париж), Уральского федерального университета (Екатеринбург) и Центра франко-российских исследований в Москве⁴⁰. Некоторые из докладов, представленных на этой конференции, были переработаны в статьи, которые мы представляем вниманию читателей в этой книге. Это своего рода панорама традиций и новаций в воспитании дворянства ряда европейских стран (Германия, Франция, Италия, Австро-Венгрия, Россия), начиная с конца XVI и по первую половину XIX века, в которой авторы ставят ряд новых вопросов о дворянском воспитании в Европе и которые показывают, в какой степени мы можем говорить об общеевропейском явлении. Не претендуя на полноту, мы представим здесь основные темы публикуемых исследований.

ИДЕАЛ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЕ

Как формировались у самих дворян представления о должном воспитании детей их сословия и каковы были основные источники информации, которые они могли использовать?

Идеальное представление о воспитании дворянина развивалось или фиксировалось в самых разных текстах. О разнообразии таких

⁴⁰ Видеозаписи всех докладов, представленных на конференции, опубликованы на сайте: <http://edunob.hypotheses.org>.

источников напоминает Жан-Люк Ле Кам, который посвятил свою статью надгробным речам в Германии XVII — начала XVIII века. Этот жанр предполагал акцент на тех элементах образовательной траектории усопшего, которые вызвали одобрение в его среде. Отклонения от идеала вынуждают панегириста прибегать к риторическим приемам, которые показывают нам, какие этапы образования и воспитания дворянина выбивались из этого канона. Такие панегирики, конечно, не только фиксировали воспитательный идеал данной социальной группы, но и выполняли своего рода перформативную функцию, влияя на распространение этого идеала в дворянской среде.

В чем-то близкую функцию выполняла и пресса, которую изучают Михаил Киселев и Анастасия Лыцова. В России середины XVIII века зарождающаяся пресса активно обсуждает педагогические вопросы, причем авторы этих публикаций были в основном дворянского происхождения. Их представления о необходимости для дворян хорошего воспитания и образования не выглядят, конечно, оригинальными на общеевропейском фоне. Даже идея о вреде чрезмерного увлечения науками для дворянина, которую мы встречаем на страницах русских журналов, была без сомнения заимствована из западноевропейской прессы или воспитательных трактатов — для российской действительности того времени она вряд ли была актуальной. М. Киселев и А. Лыцова правильно указывают на западноевропейский источник этих идей, но, развивая их мысль, можно сказать, что эти публикации очевидно преследуют цель перенести в Россию и перевести на русский язык западноевропейские дебаты о дворянстве. Русские авторы, без сомнения, хотели повлиять на саму практику дворянского воспитания и валоризовать образование как важный для дворянина культурный капитал и как элемент дворянской идентичности. Несомненно при этом, что для них было значимо само появление такой дискуссии в выходящих на русском языке журналах, ведь подобные дебаты были важной частью интеллектуальной жизни в ряде европейских стран. Известно, какую роль представлению русской литературы на главных европейских языках отводил фаворит императрицы Иван Иванович Шувалов, для которого наличие национальной литературы на языке страны было знаком цивилизованного характера общества. Вероятно, появление публикаций о воспитании дворянства в русских журналах этой эпохи следует рассмотреть и как элемент саморепрезентации

империи, рассчитанный не столько на иностранцев, сколько на самих русских дворян и усиливавший их чувство принадлежности к европейскому культурному пространству. Показательно, что ряд авторов, о которых пишут М. Киселев и А. Лыцова, принадлежали к близкому окружению Шувалова.

Как показывает Владислав Ржеуцкий, помимо прессы, российское дворянство имело — по крайней мере в теории — доступ к многим другим источникам идей о дворянском воспитании. Можно упомянуть и законодательные акты, и уставы учебных заведений, которые в России публиковались иногда значительными тиражами и в которых читатель мог найти концентрированное представление властей о должном воспитании дворянина. Воспитательные трактаты и другие произведения западноевропейской литературы, такие как «Истинная политика знатных и придворных особ» (русский перевод вышел в 1737 году, переизд. 1745 года), знаменитые «Приключения Телемака» Фенелона (1747), «О воспитании детей» Локка (1759, 1760, 1788) и «Эмиль» Руссо, были хорошо известны в России как в переводах, так и в оригинале. Наконец, для дворянских семей регулярно составлялись «воспитательные планы» (*plans d'éducation*), хотя позволить себе заказывать такие планы могли лишь весьма состоятельные представители сословия.

Конечно, учебные заведения для дворян также транслировали определенный идеал дворянского воспитания и стремились воспитывать у учеников соответствующие качества. Как показывает Людмила Посохова, через украинские коллегиумы, в которых выходцы из дворянства — слободской и гетманской старшины — составляли значительный процент учеников, иезуитский идеал *Ratio Studiorum* и латинское образование распространялись в среде казачьей старшины. Коллегиумы нередко поставляли учителей в дворянские семьи, что позволяло воспроизводить эту модель образования. Одной из миссий Кадетского корпуса в Петербурге и Терезианума в Вене было воспитание учеников в верноподданническом духе, а также сближение ключевых групп дворянства этих империй: в этом видели залог устойчивости государства. В России эта политика проводилась при помощи нескольких инструментов: сыновья представителей национальных элит империи целенаправленно определялись в Корпус, где кадеты, представлявшие две главные группы российского дворянства — русских и прибалтийских немцев, должны были

изучать язык друг друга. Таким образом, речь не шла об односторонней русификации национальных элит.

Систему взглядов на дворянское воспитание, которая реализовывалась в Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, только с некоторой долей условности можно считать продолжением государственной политики. Речь идет не только о программе обучения (выбор дисциплин, содержания и методов преподавания), но и о контроле над поведением отпрысков дворянских фамилий. Это должно было помочь цивилизовать сословие, которое в период создания Кадетского корпуса (1731) не отличалось светским лоском. Как показывает Игорь Федюкин, эта система была введена благодаря первым руководителям корпуса, в частности Х. Б. Миниху. Речь шла о наборе мер контроля, поощрения и наказания, имевших целью регламентацию поведения молодых дворян и создание у них эмоциональных шаблонов, приличествующих благородному человеку. Кадеты, которые вели себя не подобающим дворянину образом и могли дать пример дурного поведения другим ученикам, нередко удалялись из заведения. О контроле над воспитанием дворянства как средстве социального дисциплинирования пишет и Майя Лавринович. Как известно, при Екатерине II в России было основано учебное заведение для девочек, известное как Смольный институт, с отделениями для дворянок и недворянок. Однако это учебное заведение, конечно, не могло решить проблемы женского образования и формирования определенных культурных рефлексов даже в рамках дворянского класса, поэтому домашнее воспитание еще долгое время будет оставаться господствующей формой получения образования для девочек в дворянских семьях. Хотя власти без одобрения смотрели на неинституциональные формы образования дворянства, которые казались им подозрительными в идеологическом, а иногда и моральном отношении, они не могли полностью изжить эту форму получения образования. Стремлением контролировать данную сферу объясняется создание класса наставниц по инициативе императрицы Марии Федоровны в России в начале XIX века, о котором рассказывает М. Лавринович. Провинциальное дворянство рассматривало этих наставниц как носительниц столичного воспитания и «правильных» знаний и умений. Тем самым должен был обеспечиваться трансфер из столицы в провинцию определенной модели воспитания под чутким контролем властей.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ДВОРЯНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ДВОРЯНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Русское дворянство начала XVIII века и французское дворянство XVII века объединяет одна общая черта — нежелание получать полноценное образование. Именно так нередко представляли и представляют еще и сегодня дворянство этой эпохи, и в какой-то степени это верно. Однако Андреа Бруски и Анни Брютер уточняют картину, что позволяет несколько иначе взглянуть на историю образования благородного сословия во Франции. Действительно, дворянство «мантии», ориентированное на профессии, требовавшие специальной подготовки (например, судейскую), на заре Нового времени чаще получало формальное образование, чем дворянство «шпаги», которое ориентировалось на военные профессии. Однако и для дворянства шпаги времена менялись: усложнение методов ведения войны и военной техники требовало более основательной подготовки. Получать ее в рамках традиционной системы образования, основанной на обучении на латинском языке (например, в иезуитских коллегиях), было трудно. Педагоги, размышлявшие о путях развития дворянского образования, отмечали, что на изучение латинского (который считался сложным языком) уходили лучшие годы дворянских отпрысков, которые могли быть посвящены овладению дисциплинами, необходимыми для последующей профессиональной жизни. В этой ситуации перевод преподавания на родной язык ученика был альтернативой латинскому образованию. Школа Николя Ле Гра, основанная в г. Ришелье во Франции в 1640-х годах, о которой пишет А. Бруски, является ранним примером этой озабоченности о способах приобретения дворянством профессиональных знаний и навыков и изучения живых языков. Как показывает Бруски, языки отныне были не просто отдельными предметами, а частью широкой продуманной учебной программы.

Переход на французский как основной язык обучения в этой системе был важен не только потому, что позволял ускорить процесс образования и сделать его более приятным для ученика, но и потому, что общение — как письменное, которому Бруски уделяет особое внимание, так и устное — занимало все более важное место в дворянской идентичности. Поэтому овладение французским и письменные упражнения в нем с использованием соответствующих

риторических оборотов позволяли подготовить молодого дворянина к одному из важнейших видов его деятельности. Интересно, что обучение на французском связывалось именно с вежливостью, обучение же на латыни, как считали противники латинизма, вело к педантизму и грубости. Эту связку — может быть, более воображаемую, чем реальную — надо, вероятно, объяснить тем, что высокопоставленные дворянские семьи из числа военных вели активную придворную жизнь, а при дворе хорошие манеры и умение хорошо изъясняться по-французски были необходимым культурным капиталом. Примерно в середине XVIII века французский становится неотъемлемой частью дворянского идеала образования и в России. При этом другие социальные группы — духовенство и, в меньшей степени, те, кого принято называть разночинной интеллигенцией, — живыми языками, и французским в особенности, владели хуже, чем дворянство (во всяком случае дворянство, получившее воспитание), что привело к ощутимому языковому, а значит, и культурному разрыву между этими ключевыми социальными группами. Этот разрыв в России был существенно больше, чем в ряде стран Западной и Центральной Европы⁴¹.

При этом, как показывают и Бруски, и Брютер, латинская образованность все-таки полностью не сдала свои позиции: в школе Ле Гра латинский преподавался, учили его и в семье магистратов Ламуаньон, которой посвятила свое исследование А. Брютер. Аналогичную ситуацию мы видим в колледже Кутелли на Сицилии, о котором рассказывает Катерина Синдони. Более ранние проекты создания учебных заведений для дворянства на Сицилии находились под сильным влиянием иезуитской педагогической модели *Ratio Studiorum*. В колледже Кутелли, однако, вводят иностранные языки и каноническое и гражданское право, необходимые для профессиональной подготовки будущих членов правящего класса, а латынь отходит на второй план по сравнению с учебными заведениями иезуитов, где она была стержнем всего обучения. На место латыни приходит теперь итальянский язык. Однако и здесь латынь не уходит полностью со сцены, поскольку в колледже она играла некоторую

⁴¹ Об этом см.: *Rjéoutski V. Latin in the education of nobility in Russia: The history of a defeat // Rjéoutski V., Frijhoff W. (Eds.). Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance. Amsterdam, 2018. P. 169–189.*

роль в профессиональной подготовке будущих юристов. Примечательно, впрочем, что некоторая модернизация образовательного идеала дворянства, которую мы видим на примере этого учебного заведения, не предотвратила в XIX веке потери традиционной элитой контроля над многими сферами жизни на Сицилии.

Аналогичную тенденцию мы видим в России, с той только разницей, что до конца XVII века здесь не существовало традиции изучения латыни дворянством, поэтому не было и сопротивления преподаванию живых иностранных языков. Попытка ввести латынь в число важных для дворянства предметов, предпринятая в Кадетском корпусе в Петербурге, так и не дала ощутимых результатов. В преподавании разных дисциплин в Корпусе использовались иностранные языки (немецкий и позже французский), которые в каком-то смысле заняли в образовании российского дворянства место, которое латынь занимала в образовании дворянства ряда европейских наций. Поэтому сформулированный Иваном Бецким в 1760-х годах призыв перевести все обучение дворянских отпрысков на родной язык, то есть прежде всего на русский, соответствовал новейшим тенденциям в образовании западноевропейского дворянства.

Модернизация образования подразумевала, конечно, не только изучение живых иностранных языков и перевод преподавания на родной язык, но и включение в программу новых дисциплин, ориентированных на профессиональную подготовку, или образование новых учебных заведений с модернизированным курсом «наук». Как показывает Ольга Хаванова, венский Терезианум находился одновременно под управлением иезуитов и под патронажем королевско-императорского двора; таким образом, с неизбежностью происходило столкновение разных образовательных идеалов. Венский двор имел, конечно, больше веса в определении учебной программы этого заведения и настаивал на включении дисциплин, которые должны были способствовать созданию в монархии высококвалифицированной бюрократии, в частности естественного права, политико-камеральных наук, с использованием в преподавании немецкого языка, который Мария Терезия хотела сделать главным языком своей бюрократии, вместо традиционного использования латыни. То же стремление к модернизации традиционной иезуитской модели через включение дисциплин, которые интересовали дворянство, мы видим и в украинских коллегиях, о которых пишет Л. Посохова.

Вопрос о профессионализации оказывается актуальным во второй половине XVIII — начале XIX века и применительно к домашнему образованию, которое было в России главной формой обучения знати, не горевшей желанием сажать своих отпрысков за одну парту с детьми бедных помещиков. Как показывает В. Ржеуцкий, одним из упреков высшему дворянству была как раз недостаточная профессиональная ориентированность дворянского образования, стремление ограничиться дисциплинами, образовывавшими ядро модели, которую один из ее критиков, доктор Антониу Рибейро Санчес, называл «французским воспитанием» — танцами, музицированием, верховой ездой... Эти «дворянские искусства» занимают важное место в образовании дворянства по всей Европе. Они не входили в *Ratio Studiorum*, однако для дворянина, во всяком случае для семей видного дворянства, они представляли интерес, так как являлись частью культурной идентичности благородного человека и были необходимы в придворной жизни. Противопоставление «дворянских искусств» и профессиональной подготовки, которое мы видим в некоторых воспитательных планах, составленных выходцами из буржуазной среды для российской аристократии во второй половине XVIII века, очевидно, не было неразрешимым: и в Терезиануме в Вене, и в Кадетском корпусе в Петербурге «дворянские искусства» сочетаются с изучением дисциплин, ориентированных на профессиональную подготовку будущего слуги отечества. Однако такая критика в отдельных случаях приводила к отказу от дворянской программы воспитания в ее чистом виде, что мы видим в плане, написанном кн. И. Барятинским для своего сына. В других же семьях, как, например, у гр. Строгановых, несмотря на растущую — даже в рамках домашнего обучения — профессионализацию и перевод образования на родной язык, сохраняются многие традиционные элементы дворянского воспитания и образа жизни. Это проявляется не только во внимании, уделяемом «дворянским искусствам», но и в том месте, которое во внутрисемейном общении занимает французский язык.

ОБРАЗОВАНИЕ, ПРИВИЛЕГИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ

В России идея полезности образования для дворянского сословия уже в XVIII веке нередко связывалась с представлением об образовании как условии карьерного роста. За этим меритократическим

взглядом на карьерные возможности дворянства стояли, как полагают М. Киселев и А. Лыцкова, относительно небогатые и незнатные дворяне. Таким образом, помимо влияния западноевропейского контекста, в этой дискуссии видна и российская специфика: относительно небогатое, но образованное дворянство не только мысленно возвышало себя над непросвещенным мелким дворянством, но и смело мечтало о конкуренции с вельможами за влияние и должности на государственной службе. Речь, конечно, шла только о претензиях в публичном пространстве, политически пока никак не подкрепленных. На уровне высшей бюрократии Российской империи такие идеи защищал И. И. Шувалов, сам происходивший из среды среднего дворянства. Он был сторонником принуждения дворянства к получению хорошего образования. Как показывают Киселев и Лыцкова, Шувалов не смог добиться законодательного оформления этих идей, поскольку в конце елизаветинского царствования его влияние при дворе уменьшалось на фоне болезни императрицы, а царствование Петра III, когда он снова приобрел большое влияние, было слишком скоротечным. Однако сами по себе эти инициативы свидетельствуют как о новом, европейском понимании места образования в дворянской культуре, так и о государственном подходе этого вельможи, видевшего роль образования в создании эффективной бюрократии. При этом Шувалов не готов был поступиться приоритетным правом дворянства на занятие высших государственных должностей: его предложения сводились к уравниванию шансов на продвижение по карьерной лестнице для представителей мелкого и крупного дворянства, но не для других сословий⁴².

Многие европейские общества в это время двигались уже в сторону модели, основанной на реализации меритократического принципа для всех, а не только для дворян, хотя скорость этого движения была разной в разных частях Европы. Некоторые авторы из дворян признавали за выходцами из любых сословий, получившими соответствующее образование, право конкурировать с представителями благородного сословия за государственные должности. Для России XVIII века подобные идеи были совершенной утопией, однако на практике именно это происходило в некоторых европейских

⁴² О дальнейших попытках увязать карьерные перспективы дворян с получением образования, связанных с деятельностью Михаила Сперанского, уже в начале XIX в., см., в частности: *Kusber J. Eliten- und Volksbildung im Zarenreich*. S. 16.

странах. На венгерском примере это показано в статье Виктора Каради. В России наследственное дворянство сохраняет господствующее положение и в армии, и в государственном аппарате, по крайней мере до середины XIX века, а в высших органах власти — до 1917 года. С 1755 по 1850 год доля дворян среди чиновников всех уровней в России уменьшилась всего с 50% до примерно 44%, однако количество чиновников росло невероятными темпами в этот период: примерно на 4000%. Только во второй половине XIX века происходит существенное понижение доли дворян в бюрократии до примерно 30%⁴³. В Венгрии, о которой пишет В. Каради, развитие государственной службы шло в сторону сокращения социальных привилегий дворянства и расширения социальной базы чиновничества, особенно после отмены в 1840-х годах исключительного права дворян занимать государственные должности.

В этих условиях растет значение университетского образования для дворян, отражая их стремление адаптироваться к меняющемуся миру, в котором профессионализация становится условием удержания своих социальных позиций. Интерес к университету повышается у дворянства в самых разных частях Европы. Так, во второй половине XVIII века, как показывает Л. Посохова, украинская старшина все чаще отправляет своих отпрысков учиться как в Московский университет, так и в германские университеты. Хотя материальные возможности семей не всегда позволяли им реализовать такие стратегии, университетское образование становится частью образовательного идеала украинского дворянина.

В России интерес дворянства к единственному университету страны, Московскому, вплоть до XIX века был весьма ограниченным. До 1770-х годов университет вообще был больше разночинным по социальному происхождению его студентов; после открытия в 1779 году Благородного пансиона при университете число студентов из дворян увеличилось, но до учебы собственно на университетской скамье дело, как правило, не доходило. Согласно собранным Александром Феофановым данным, сыновья высших армейских чинов (первые три класса по Табели о рангах) обходили стороной не только Московский университет, но даже традиционные дворянские

⁴³ Becker S. Nobility and privilege in late Imperial Russia. Northern Illinois, 1985. P. 108–109. Немного отличаются данные Б. Миронова: 58% в 1755 г., 26% в 1897 г. *Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну*. Т. 2. СПб., 2015. С. 491.

школы, такие как Сухопутный шляхетный кадетский корпус в Петербурге, в котором им пришлось бы учиться бок о бок с шляхетной мелкокой. Они предпочитали домашнее образование, обучение за границей (нередко в университетах германских земель, Лейдена и Страсбурга), а также в элитном Пажемском корпусе⁴⁴. Указ 1809 года подтолкнул дворян к университетскому образованию, ставшему условием получения определенного чина и занятия должностей в государственном аппарате⁴⁵. В результате в первые годы после окончания войны 1812 года количество студентов из дворян в Московском университете хотя и оставалось небольшим в абсолютных цифрах (около 150 человек за период с 1813 по 1817 год), в процентном отношении к остальным группам оказалось огромным, достигнув, по данным А. Феофанова, 70%. Среди них примерно в равной степени были представлены семьи военных офицеров и чиновников, число же студентов из семей титулованного дворянства было минимальным⁴⁶. В 1823 году среди поступивших в университет студентов дворяне в процентном отношении составляли лишь 52%, что связано с притоком в университет разночинцев после 1820 года⁴⁷. Однако на такой широкой просопографической базе, как в публикуемом здесь исследовании В. Каради, детальный анализ роли университетов в образовательном идеале дворянства в России XIX века пока не проводился. Поэтому мы не вполне представляем себе, как социальные траектории дворянства соотносились в России с образовательными предпочтениями других социальных групп.

При абсолютном увеличении количества студентов из венгерского дворянства в австрийских университетах В. Каради отмечает уменьшение доли дворян среди общего числа венгерских студентов в университетах Австрии. Это объясняется увеличением количества студентов из недворянских сословий — следствие прежде всего

⁴⁴ Данные статистического и просопографического анализа, представленные А. Феофановым на конференции «За границами традиционной историографии образования в России» (Германский исторический институт в Москве, 27–28 января 2017 г.).

⁴⁵ Указ от 6 августа 1809 г. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 30. № 23771. С. 1054–1055. Для производства в чин коллежского асессора отныне нужно было представить свидетельство одного из университетов о том, что соискатель «обучался в оном с успехом в науках».

⁴⁶ Феофанов А. Студенчество Московского университета XVIII — первой четверти XIX в. М., 2011. С. 58–59.

⁴⁷ Там же. С. 67.

изменений на рынке труда и развития «свободных профессий», для занятия которыми не обязательно было быть дворянином. В отличие от простолюдинов дворян, конечно, больше привлекали военные учебные заведения, тогда как представители недворянских сословий чаще выбирали политехнические и коммерческие специальности и медицину, которые мало привлекали дворянство. Что касается богословия, то для высшей аристократии ее изучение не было интересным (поскольку для магнатов карьера в Церкви не могла быть привлекательной), но представители мелкого дворянства более охотно поступали на богословский факультет (хотя скорее в германских университетах). Интерес к богословским факультетам сближал в Венгрии образовательные идеалы мелкого дворянства и простолюдинов, тогда как магнаты обычно изучали науки, искусства и право. Это, конечно, резко отличается от ситуации в России, где для дворянина церковная карьера была вещью немислимой, что определило и социальный профиль учащихся соответствующих учебных заведений⁴⁸.

В целом, как подчеркивает В. Каради, эти данные хорошо иллюстрируют процесс перехода венгерского общества от феодальной модели к современному национальному государству. В меритократической в своей основе системе приобретаемый образовательный капитал становится для недворянских социальных групп важным преимуществом, позволяющим им претендовать на интеграцию в экономическую и даже, до некоторой степени, в политическую элиту Венгрии. Учитывая этнические различия — преобладание мадьяров среди дворянства и немцев, словаков и евреев среди буржуазии и среднего класса, — в случае Венгрии можно говорить об этносоциокультурной поляризации общества.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ: ОТ *GRAND TOUR* И ИДЕЙ РУССО К КРИТИКЕ ДВОРЯНСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Далеко не всегда просто определить, что более повлияло на распространение тех или иных практик воспитания дворянства — теория, человеческие контакты или изменение общекультурного контекста.

⁴⁸ Хотя в петровское время и в 1730-х годах некоторое число дворян учились в Славяно-греко-латинской академии, эти случаи остаются исключительными. См.: *Рогов А. И.* Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии // *История СССР*. Т. 3 (1959). С. 140–147.

Хорошим примером процесса распространения педагогических идей и практик воспитания является *Grand Tour*.

Как показывает Альбрехт Буркардт, вплоть до конца XVI — начала XVII века в трактатах и учебниках о дворянском воспитании мы не находим позитивных оценок роли путешествия в образовании аристократа, а в XVII веке таковые уже присутствуют повсеместно. Оформление этой идеи происходит, вероятно, одновременно с появлением нового идеала придворного. Согласно Норману Дуарону, этот идеал кардинально отличался от идеала рыцаря: если в конце Средних веков к рыцарским странствиям относились весьма негативно, представляя их как бессмысленные скитания, то в идеале придворного путешествиям отводится важное место. По мысли А. Буркардта, сыграла свою роль и смена парадигмы, влияние Возрождения и, в частности, идей Макиавелли: к приобретению опыта и к поиску знаний уже не относились с таким подозрением, как раньше.

Начиная с этого времени опыт образовательного путешествия, пребывания при зарубежном дворе или учебы в удаленном университете, как пишет Ж.-Л. Ле Кам, «отличал дворянство от других социальных групп и вместе с кровью, доблестью и древностью рода составлял основу его претензий на превосходство в обществе». Как показывает в своей статье А. Буркардт, в Германии XVII века представители патрициата также ориентируются на этот образовательный идеал и включают путешествия в свою образовательную траекторию, обосновывая тем самым собственные претензии на роль «городского дворянства». Эта европейская практика достигла России с некоторым опозданием — примерно в середине XVIII века. Учитывая большую неоднородность дворянского сословия в России — как в материальном, так и в культурном отношении, — неудивительно, что *Grand Tour*, требовавший значительных финансовых затрат и связей, не нашел здесь широкого распространения, но укоренился в сравнительно узком кругу аристократии, став визитной карточкой этой группы, отличавшей ее от более низких дворянских слоев. Как показывает в своей статье Владимир Берелович, для этого достаточно узкого социального круга были характерны клановость, сочетание обращенности к Европе с любовью к отечеству, сознание своей социальной и культурной миссии. Внимание, которое эти семейства

обращают на организацию образовательного путешествия, в частности на поиск достойного наставника и разработку маршрута и деталей образовательной и воспитательной программы, значительные финансовые средства, расходуемые на подобные путешествия, — все это показывает, что *Grand Tour* серьезно повлиял на воспитательный идеал высшего дворянства в России.

В. Берелович замечает также, что в конце 1780-х годов в России модель европейского образовательного путешествия, судя по всему, теряет для многих свою привлекательность. В это время часть дворянства отходит от традиционной модели, строго кодифицированной и основанной на принуждении и постоянном контроле, и начинает интересоваться новыми тенденциями в воспитании, которые строятся на иных принципах. Конечно, изменения происходят не в одночасье, и старые формы иногда причудливо сочетаются с новыми, как это можно видеть на примере ряда дворянских семей в России, например семьи княгини Н. П. Голицыной, как это показано в статье В. Ржеуцкого.

Одной из таких новых идей, получивших некоторое распространение в среде высшего дворянства, стала идея дружбы как воспитательного идеала, которую на русском материале исследует Виктория Фреде. Автор прослеживает усвоение некоторыми представителями российского дворянства идеи дружбы между воспитателем, воспитуемым и родителями ученика, получившей достаточно широкое отражение в педагогической литературе века Просвещения, прежде всего в знаменитом «Эмиле» Руссо. На примере общения молодого графа Павла Строганова со своим отцом графом Александром Строгановым и воспитателем Жильбером Роммом В. Фреде показывает, каким образом эта модель привилась в России. Ромм и Строганов-старший были адептами этого нового для России воспитания, основанного на усвоении сентиментального языка как способа не только выражения, но и формирования чувств. Эта модель шла, однако, вразрез как с придворными обыкновениями — и, действительно, она порицалась придворными, которые знали об «опытах», проводившихся в семье Строганова, — так и с традиционным подходом к воспитанию дворянина, основанным на авторитете и власти воспитателя, на контроле за учеником, применении символического и, в отдельных случаях, физического насилия и других наказаний. Именно такое воспитание было наиболее распространенным

в России на протяжении всего XVIII века, не исключая и царскую семью⁴⁹.

В статье В. Ржеуцкого показано, что многие губернеры, работавшие в семьях русского дворянства, были проводниками этих новых тенденций и критиками не только традиционного воспитания аристократа, но и самого образа жизни придворного. Порицанию подвергаются самые разные стороны воспитания: набор предметов для изучения, часть которых эти губернеры считали по меньшей мере бесполезными, а подчас и вредными, — это, как правило, поэзия, литература, иногда даже история, которые следует заменить точными или более практическими дисциплинами, ведущими к получению профессии; «развращающее» влияние театра, от которого следует защитить воспитанников; вредные застольные разговоры придворных, при которых могут присутствовать дети. Авторы воспитательных планов критикуют и саму философию образовательного путешествия, которое, в соответствии с предписаниями Руссо, должно быть средством познания мира, а не завершения учения, начатого по книгам, и которое должно познакомить молодого дворянина прежде всего с его родной страной, в то время как обычно маршрут *Grand Tour* проходил по зарубежным странам... Не случаен, хотя в чем-то парадоксален тот факт, что эти изменения идеала воспитания дворянина находят понимание — впрочем, относительное — в некоторых семьях высшего дворянства, близкого ко двору, в то время как придворное общество в целом, как было сказано, обычно не поддерживало такие педагогические новинки и эксперименты⁵⁰. Дело, разумеется, в том, что именно высшее дворянство имело возможность путешествовать по Европе, знакомиться с новыми веяниями в педагогике и приглашать на службу губернеров, обладавших хорошим образованием и нередко исповедовавших демократичные взгляды на воспитание.

Тема реформирования сферы образования дворянства затронута и в статье Виттории Фиорелли, которая изучает либеральный

⁴⁹ См. об этом: *Vochtchinskaia N., Rjéoutski V. La Harpe éducateur des princes // Rjéoutski V. (Dir). Quand le français gouvernait la Russie. Paris, 2016. P. 201–219.*

⁵⁰ Разумеется, некоторые из этих изменений придворное общество не могло игнорировать, например изменение взгляда на полезность тех или иных языков в дворянском воспитании: в конце XVIII века внуки Екатерины II, как и российское дворянство в целом, не учат латынь, а основной упор делают на французский и немецкий.

образовательный проект в Неаполе первой половины XIX века. Целью этого проекта было, с одной стороны, сделать публичную сферу доступной женщинам нового правящего класса, а с другой стороны, создать в одном из центров недавно возникшего Итальянского королевства современную модель учебных заведений для девочек, причем не только аристократок, но и представительниц буржуазного сословия.

Критика старой модели образования дворянства, помимо общественной жизни, находила выражение в беллетристике. В русской литературе начиная с середины XVIII века мы видим немало произведений, где те или иные аспекты традиционного воспитания русского дворянина подвергались порицанию. Одним из поздних примеров отражения общественной полемики о воспитании дворянина в России может служить повесть В. А. Соллогуба «Тарантас» (1840). Как показывает в своей статье Дмитрий Редин, живописав весь цикл воспитания дворянина, Соллогуб указал на несоответствие этого воспитательного идеала новым потребностям времени.

*

Несмотря на ряд отличий российского дворянства от дворянства других стран Европы, о которых было сказано выше, в области образования и воспитания мы видим между ними немало параллелей. Это касается и модернизации обучения, и роли ряда дисциплин в оформлении особого аристократического идеала воспитания, и растущего интереса дворянства к университетскому образованию... В рассматриваемый период мы имеем дело с невероятно быстрыми культурными изменениями дворянства в России, по крайней мере его среднего и высшего сегмента, которые шли в направлении сближения с дворянством главных европейских стран. Эти изменения происходят на фоне громких успехов русского оружия и территориальной экспансии Российской империи, признания страны в Европе как одного из главных игроков европейской политики, быстрого развития ее экономики и т. д. Этот контекст дает российскому дворянству ощущение стабильности и уверенности в себе, а европейская направленность культурной политики и политического дискурса российских монархов способствует быстрейшему проникновению в дворянскую среду западных моделей дворянского воспитания.

Конечно, в большом числе случаев можно говорить о сравнительно позднем появлении в России этих идей и практик дворянского воспитания и об их заимствованном характере. Это касается и места «дворянских искусств», и изучения иностранных языков, и роли *Grand Tour*... Эта констатация, казалось бы, с неизбежностью должна привести нас к старому вопросу о неорганичности культуры российского дворянства, впервые сформулированному, как известно, еще литераторами XVIII века, а позже развитому рядом историков. Не предлагая поставить точку в этой дискуссии, мы хотели подчеркнуть высокую степень интериоризации частью российского дворянства моделей поведения европейского дворянина и превращение европейского дворянского воспитания в неотъемлемую часть культурной идентичности русского дворянства, которое не только хотело стать европейским, но и чувствовало себя и во многих случаях было таковым. Это ощущение принадлежности к европейской дворянской корпорации, которое мы видим на многих индивидуальных примерах, могло — вполне органичным образом — сочетаться с любовью к отечеству.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи (Москва)
- ЕС — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие.
- ОР ГИМ — Отдел рукописей и старопечатных книг
Государственного исторического музея (Москва)
- ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной
библиотеки (Москва)
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной
библиотеки (С.-Петербург)
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
СПб., 1830, 45 т.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
(Москва)
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
(Москва)
- РГИА — Российский государственный исторический архив
(С.-Петербург)
- ASNa — Archivio di Stato di Napoli
(Государственный архив Неаполя)
- ASPN — Archivio Storico per le Province Napoletane
(Исторический архив провинции Неаполя)
- BNE — Biblioteca Nacional de España (Испанская национальная
библиотека, Мадрид)
- FNKA — Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv (Вена)
- MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (Будапешт)
- ÖStA — Österreichisches Staatsarchiv (Вена)
- SOB — Istituto Suor Orsola Benincasa di Napoli, Archivio Storico
(Исторический архив Института Сестры Орсолы Бенинказы
в Неаполе)
- SOB, Archivio — Istituto Suor Orsola Benincasa di Napoli,
Archivio corrente (Институт Сестры Орсолы Бенинказы
в Неаполе — архив современных документов)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Географические названия не включены в указатель. Имена исследователей выделены курсивом. Если имя встречается только в сноске, номер страницы выделен курсивом.

- Август «Младший» Брауншвейг-Вольфенбюттельский 380
Агессо Анри д' 51, 56, 58
Агессо Анри Франсуа д' 51, 56
Александр I 12, 80, 207, 323–324
Алексеева-Тимковская А.
340, 345–346
Алле 146
Альмов Ф. А. 269
Альфонсо V Арагонский 297
Амио Ж. 398
Андреева-Сердобинская М. 342–345
Анна Датская и Норвежская 382
Анна Иоанновна, императрица
269, 414
Антонины А. 131, 141–142, 147
Антуан, гувернер 225
Аптони А. 284
Апраксин Ф. А. 414
Аристотель 49, 278
Асигмовановы, князья 273
Ассумар де, граф 304
Афанасий (Петрович),
митрополит 273
Бавиль Н. де 44
Базедов И. Б. 293, 323
Базилевич И. 74
Базилевичи, украинский
дворянский род 75
Байе А. 43–51, 53–56, 59
Байков Ф. 270
Балдзо А. дель 113, 116, 121
Балдзо К. Ф. дель 116
Бара К. 110
Баранов П. И. 344–345
Бартлет К. 399
Барятинские, князья 231, 236
Барятинский А. И., князь 236
Барятинский И. И., князь 28, 232,
236–240, 242, 422
Батяни И. 290
Батяни Л. 282–283
Бэкон Ф. 393–394, 398, 401, 403
Белинский В. Г. 445, 462
Белосельский А. М., князь 216, 418
Бельгард Ж. Б. Морван де, аббат
215, 230
Бендер Е. 356
Беневентани Э. 111
Бенинказа О. 120
Березин, кадет 256
Берелович В. 33–34, 208, 217–218, 222
Берелович А. 13
Берк К. Р. 250, 257
Берков П. М. 159
Бернерд (Бернерт, Бернар) 424–425,
428, 435
Берни де, кардинал 7, 8
Берти М. 131, 148
Бестужев-Рюмин А. П. 269, 414
Бестужев-Рюмин М. П. 414
Бехтеев Ф. А. 416, 437
Бецкой И. И. 27, 209, 212, 220, 237, 246
Биньон Ж. 56–59
Бискари, князья 303
Блессиг 427, 428, 436, 436
Блуменберг Г. 406
Блэк Д. 208
Боборыкин П. Д. 446
Бобринский А. Г. 422
Богданович И. Ф. 159
Болотникова 344–345
Бонайюто Э. 303
Бонапарт К. 114
Бонказ де Сен-Морис А. 145, 147
Бонне Ш. 184, 199, 206
Борозны, украинский дворянский
род 75
Боссюз Ж. Б. 48
Ботеро Дж. 390, 394
Браски Дж. граф, кардинал —
см. папа Пий VI

- Бринкман 424, 436
Брицци Дж. П. 296
Бруски А. 25–26
Брютер А. 25–26, 41
Буало Н. 45
Бузенваль — см. Шоарт де Бузенваль
Буонкомпаньо Г., кардинал 430
Бурбон ди Сиракуза Л., князь 119
Бурбоны 107, 112, 115, 119, 298, 305, 307–308, 310, 313, 316
Бурден А. М. 218
Бурдые П. 42, 360–361
Буркардт А. 33
Буткевичи, украинский дворянский род 75
Бутье Ж. 384, 401
Бухвостов П. 270
Бьянкини П. 296
Бюде Г. 392
Бюфье К. 141
Вайе П. фон 381
Вайе Ф. фон 381
Ваккарини Дж. Б. 304
Ванвителли 304
Васьянов А. 344
Ваулин И. И. 342
Вебер М. 5
Векстерн К. Л. фон 379
Величко С. 71
Венецкий Г. 65–67
Вензе В. фон дер 381
Вентимилья С. 306–307, 318
Верга М. 297
Вергилий 47–48, 312
Верне Я. 227
Вешняков П. 270
Вивес Х. Л. 48
Виктор-Амадей II 304–305
Виллабьянка, маркиз 308
Вилламов Г. И. 328–329, 338, 342
Вильгельм V Баварский 396
Виссак М. де 197
Войков А. М. 269
Войтков А. 74
Волжин, подпоручик 344
Волконская Е. С., княжна 215
Волконский П. М., князь 422
Вольтер 71
Воронцов А. Р., граф 154–155, 223, 419, 434
Воронцов И. И., граф 421
Воронцов М. И., граф 166, 171–172, 221, 228, 269, 416, 418, 419
Воронцов М. С., граф 463
Воронцов Р. И., граф 155, 169, 171, 223, 419, 434
Воронцов С. Р., граф 223, 419
Вяземский Г. И., князь 77
Вяземский П. А., князь 340
Вяземский П. М., князь 422
Габсбурги 10, 12, 84, 86, 88, 92, 275, 277
Гагарин И. А., князь 422
Гагарин С. С., князь 421
Газениус П. 269
Гайдн И. 291
Галанте-Гарроне А. 197
Галло Ф. 307
Гальвес-и-Галльярдо: Х.; М.; Б. 117
Гаммель-Флишбах 283
Гарелли П. Н. 289
Гарibaldi Дж. 309
Гатри 313
Гваттани Дж. А., аббат 426
Гевара А. де 392
Гегель Г. В. Ф. 461
Гедеминовичи 12
Гейм А. И. 335
Геккель Ф. 425–426, 433, 435, 437, 440
Геккерт 430
Генрих III 398
Генрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский 380–381
Генрих-Юлиус Брауншвейг-Люнебургский 380
Гизо Ф. 5
Гландорп Й. 381
Глебов И. Ф. 156
Глебов С. И. 155
Глебовский И. 263
Глинка С. Н. 231, 324
Гоголь Н. В. 445–446
Голенищев-Кутузов И. Л. 154, 156
Голицын А. М., князь 420
Голицын А. А., князь 422, 427–428, 437–438, 439
Голицын А. Д., князь 171, 423

- Голицын А. М., князь
 (вице-канцлер) 73, 235, 413, 417,
 420, 423–425, 427–429, 434, 436–440
 Голицын А. Н., князь 428
 Голицын Б. А., князь 422, 427–428,
 437–438
 Голицын Б. В., князь 232, 422
 Голицын В. Б., князь 231–232
 Голицын Д. В., князь 236, 422
 Голицын Д. М., князь
 (посол в Вене) 410, 423–425, 426–
 429, 431, 433, 435–438
 Голицын Д. М., князь 422, 424–425
 Голицын М. А., князь 422, 426, 428,
 434–435, 439
 Голицын М. М., князь 171
 Голицын М. П., князь 422, 425–426,
 433–434
 Голицын Н. А., князь 410, 421, 423
 Голицын С. М., князь 328
 Голицын С. М., князь 417, 420
 Голицына Н. П., княгиня 34, 231–232,
 235, 242, 431–432
 Голицына Т. К., княгиня 417
 Голицыны, князья 73, 183, 192, 231,
 233–234, 236, 241, 420, 423–424
 Головин А. 413
 Головин И. М. 413
 Головины: И. С.; В. С. 416
 Головкин А. Г., граф 193–194, 198,
 206, 217, 417
 Головкин Г. И., граф 414
 Головкины: И. Г.; А. Г.; М. Г.,
 графы 414
 Головцын Е. 271
 Гомер 48
 Гораций 47–48, 451
 Горетчанов, кадет 256
 Горленки: И., С., А. 272
 Горчаковы: М. Н.; В. Н. 422
 Горяинов Р. 270
 Грабленова А. Д. 342–344
 Грабянка Г. 71
 Гравина Дж.; К. 303
Грандьер М. 187
 Грациан Б. 215
 Грейсс Я. 250
 Греков И. 267
 Гривель Г. 200
 Гроссетьер А. 397
 Гуаччи Нобиле М. Дж. 116
Гуковский Г. А. 152–153, 259
 Гулия Э. 274
 Д'Аддозио Дж. Б. 111
 Давыдов И. 269
 Данте А. 406–407
 Дашков П. М., князь 232, 422, 432
 Дашкова Е. Р., княгиня 432
 Двигубские, украинский
 дворянский род 75
Де Джорджи Ф. 296
 Де Паче М. А. 116
 Де Сьерво Ф. 111
 Дебодан (Де Бодан) К. 250, 254
 Дежёффи 281
 Дезалье, издатель 46
 Декарт Р. 43, 49
 Делаланд Ж. 432, 435
 Демидовы 157–158
 Демишель Ж. 205, 216, 218–221,
 225, 235
Демурова Н. М. 446, 447
 Денхофф М. фон, граф 352, 361–363,
 365–366, 369–370, 372, 374, 376
 Денхофф Ф. фон, граф 362–363
 Денхофф Э. К. Э. фон, граф 361
 Денхоффы, графы 363, 369
 Державин Г. Р. 325
 Дегтон Ф. М. 232
 Дефо Д. 70
Джариццо Дж. 297
 Дженовези А. 112, 305–306
 Дидле 146
 Дидро Д. 219
 Диккенс Ч. 446
Дмитриева Н. 338
 Добаи, венгерский дворянин 282
 Добльхоф А. 290
 Добролюбов Н. А. 446
 Доде А. 197
 Долгоруков А. С., князь 415–416, 439
 Долгоруков В. В., князь 421
 Долгоруков В. С., князь 415–416
 Долгорукова И. П., княгиня 415
 Долгоруковы А.; Н., князья 418
 Долгоруковы: В. П.; С. П., князья 414
 Домашнев С. Г. 159

- Дрезденша 256
Дуарон Н. 33, 404, 405
Дьюальд Дж. 43
Дю Канж 47
Дюлак Ж. 220, 221
Дюлоран А. Ж. 71
Евдокия, царевна 262
Екатерина II, императрица 7–8, 12, 24, 35, 77, 80, 173, 177, 181, 185, 205, 207, 212, 216, 220, 224, 226, 234, 241, 268, 334, 416
Елагин И. П. 154, 156
Елизавета Английская 382
Елизавета Петровна, императрица 156–157, 165, 167, 171–172, 182, 219
Енгальчев И. А. 343
Ефимовские: И.; А. 270
Ефимовский А. М. 416
Ефимовский П. А. 417
Желтухин Б. 255
Жеребцов А. Г. 171
Жерини П. А. 131
Жонес-Спонвиль П. И. (Жам) 216, 218, 224–225, 235
Жураковские, украинский дворянский род 75
Жюбе (Лакур), аббат 415
Забережин В. 272
Загрязский 426
Зала И. 286
Захаров А. 19
Зекендорф Ф. Л. фон 378, 383
Зиггейм И. Б. фон 250, 253
Зинцендорф П. фон 291
Зонненфельс Й. 284, 287–288
Зорин А. Л. 185
Иван Грозный 12–13
Иванов-Кантемиров А. 344
Иванова Ф. 342
Имбриани П. Э. 116
Иосиф II 92, 280, 284, 288, 292
Исаевичи, украинский дворянский род 75
Исленьев Н. М. 339
Йохель А. 219, 221–223, 225, 230
Кабузан В. М. 62
Калазанца И. 280
Калазанцио Дж. 305–306
Калугин М. 268
Кампе И. Г. 325, 333–334
Кампокьяро ди 116
Каноньеро П. А. 393–394
Кантемир А. 415–416
Канчила О. 297
Капе Минутоло Р. 117
Капече Минутоло 116–117, 119–120
Капече Минутоло А. 110–111, 113–115, 118–119
Капече Минутоло К. 110–111, 113, 115, 119
Капече Минутоло маркиза де ля Сонора П. 116, 118
Капечелатро Дж. 114
Капулин 255
Каради В. 30–32
Карамзин Н. М. 231
Карамуэль Дж. 47
Караччоли Л. А. 192
Карачьоло ди Торелла А. 119
Карл Альберт, король Сардинского королевства 120
Карл Баденский, маркграф 381
Карл III 117, 305
Карл IV 391
Карл VI 289, 305
Карлини И. 129
Кастильоне Б. 387–390, 400
Кауниц В. А., граф, затем князь 278
Кауницы 278
Квитко-Основьяненко Г. Ф. 69
Кевенхюллер-Метч И. Й. 279, 282
Кеглевич, граф, венгерский дворянин 282
Келлер К. 356, 359
Киреевский А. 263–264
Киселев М. А. 22–23, 29
Клари Л. 291
Кларк Дж. 149
Клемент XII, папа 305
Клерк Н. Г. 216
Клингентайн Г. 275, 278, 287
Клихтове Й. 389–390, 393
Клишины: Т., И. 269
Ключевский В. О. 6, 18
Ковалинский М. 74
Козицкий Г. В. 154–156

- Козминский А. 256
 Колумб Х. 407
 Кольбер Ж. Б. 51
 Колобакин А. 262
 Комаровские, украинский дворянский род 75
 Коменский Я. А. 365
Конрадс Н. 403
 Конти, принцы
Конфино М. 6, 9, 11, 15, 18, 20
 Кончек Б. 282
 Корнелий Непот 312, 451
 Корнель П. 459
 Коровин, кадет 256
 Косми Дж. А. де 311–312, 317–319
 Костюрин И. И. 171
 Костюрина Е. И. 171
 Кох И. 282
 Кох К. В. 424–425, 427
 Кох К. Р. 410, 423–424
 Кохлеус И. 395
 Коччия Э. 118
Кошелева О. 16, 208
 Кошен Ш. Н. 435
Крамми Р. 6, 10, 17
 Кретъен де Труа 385
 Крон Х. Ф. фон 255
 Круа, де ла 313
 Крэйвен 112
 Крэйвен А. 119
 Крэйвен П. 119
Кузнецов С. О. 191
 Кулакова И. П. 448
 Кулябки: Иосиф; Иван; Я.; П. 272
 Куракин Александр Б., князь 421, 432–434, 438
 Куракин Алексей Б., князь 421
Курукин И. В. 259
Кусбер Я. 20
 Кутелли 26, 297–299, 301, 302–312, 315–319
 Кутелли: А.; Дж.; Ф.; Фр. 303
 Кушников Д. 255–256
 Кюжас Ж. 381
 Кюнигль К. 291
 Ла Брюйер Ж. де 231
 Ла Моннуа 46, 47
 Ла Ну Ф. де 41, 134–135, 396, 401
 Ла Телье 48
 Ла Тур А. де, герцог 139
Лавринович М. 24
 Лайхардинг И. 290
Ламари-Маррезе М. 7, 20
 Ламбер А. Т. де 206
 Ламуаньон Г. 44–45, 50, 56–57, 59
 Ламуаньон К. Ф. де 44, 46–48, 50, 54, 56, 58
 Ламуаньон П. де 56
 Ламуаньон Ф. К. де 45–56
 Ламуаньоны де Бавиль 43, 46, 51, 53, 56–59
 Ланкастер Дж. 315
 Лануа Ф. 398
 Лафайет М. М. 71
 Лафонтен Ж. де 219
 Лашкевич И. С. 71
 Лашкевич С. И. 68–71, 78
 Ле Гра Н. 25–26, 135–140, 150
Ле Кам Ж. Л. 22, 33
 Лебедевы 75
 Лебцельтерн З. 119
 Лейбниц Г. 365–366
 Леклерк — см. Клерк
Ленц Р. 353, 358
 Лепин Л. де 145, 147
 Лепренс де Бомон Ж. М. де 70
 Лермонтов М. Ю. 448
 Лесаж А. Р. 70
 Лесли С. 255
 Лефевр А. 188, 192
Ливен Д. 9
 Лизогубы, украинский дворянский род 75
 Липсий Ю. 398
Лихачева Е. О. 332
 Лобанов-Ростовский Ф. 262
 Логофетова К. 344
 Локк Дж. 23, 70, 193, 199, 205, 215–216, 224, 226, 306, 313, 415, 433
 Ломени де Бриен Л. А. 52
 Ломоносов М. В. 154, 156, 166
 Лопс Бонги М. 111
 Лоран 426
Лотман Ю. М. 11, 21, 152
 Лубяновский Ф. П. 68, 70, 72
 Лувуа Ф. М. Летелье, маркиз 48

- Лысцова* А. С. 22–23, 29, 213
Львовы: Ф., П. 268
Люберас — см. Потт фон Люберас
Любранский Я. 370
Людовик XIV 44, 49–51, 53–54
Лютер М. 395
Мадариага И. де 6, 9, 17
Мазарини Дж. 44
Майер А. Дж. 318
Майорана С. 318–319
Макаров А. В. 269
Макиавелли Н. 33, 402, 405–407, 409
Максимилиан, эрцгерцог 381
Макхарди К. 277
Мальт-Брюн 313
Мантель 313
Манчини Л. Б. О. 116
Маргарита, королева 122
Мария Терезия, императрица
274, 278–279, 280, 283, 285, 288,
294–295
Мария Федоровна, императрица
24, 324–327, 329, 332–334, 336–337,
340, 346–347
Маркер Г. 208
Маркович 61
Мармонтель Ж. Ф. 71
Маслов Н. А. 269
Масне П. Ж. 427–428, 434, 436
Меднянски Я. Н. 290
Мейнеке Ф. 387
Меланхтон Ф. 380, 381
Мело де Браганса граф
де Ассумар Ф. 304
Мельгунов Алексей П. 250, 270
Мельгунов, Александр П. 270
Мельгунов П. 269
Мельницкий Н. 263–264
Менаж Ж. 57
Ментенон де, маркиза 114
Мерикоффер 112
Миани Дж. 309
Милано А. 111
Миллер Г. Ф. 154
Милли Дж. 116
Милорадовичи: М., В., Н., А. 272
Милот, аббат 451
Миних Х. Б. 24, 245, 247, 249, 251, 266
Мионов Б. 30
Митровский И. 290
Михайлова Д. 343–344, 346
Михалкова 343
Могила П. 63
Момонов Ф. 66
Монго Л. 403
Монтень М. 398, 408
Монтескье Ш. 5, 306
Морван де Бельгард — см. Бельгард
Мориц «Ученый»
Гессен-Кассельский 380
Мотли М. 42, 54
Моэм С. 447
Муи Ш. де Фие 70
Мур К. Н. 353
Муравьева О. С. 210, 462
Мусин-Пушкин Э. 414
Мюллер Р. 353
Мюрат И. 119, 313
Наполеон 450
Нартов А. А. 155, 159
Нарышкин А. В. 155–156
Нарышкин В. В. 156
Нарышкин П. П. 422
Нарышкин С. В. 154–155, 156
Нарышкины: П. К.; С. К. 414
Нарышкины: И. Л.; А. Л. 414
Недецкий, венгерский дворянский
род 283
Нелльнер 427, 428
Неплюев И. И. 171
Неплюев Н. 258
Несвицкий 426
Николаева Е. 344
Николаева-Тимковская Е. 341–343
Николай I 347
Никотера, баронесса 121
Новарезе Д. 297
Новиков Н. И. 334
Новосильцев А. В. 269
Нэш К. С. 334
Няри, венгерский дворянский
род 283
Одоевский И. В. 171
Окенфус М. 68
Оливарес Гусман-и-Пиментель Г.,
граф 301, 304

- Оливье М. 235
 Оливье С. 235
 Олсуфьев А. 258
 Орлов В. Г., граф 216
 Орци, венгерский дворянский род 283
 Остерман А. И., граф 247–249
 Остерман И. А., граф 418
 Павел I, император (и Павел Петрович, великий князь) 13, 182, 207, 216, 221, 425
Павлов А. 16
 Павлова А. 345
 Пазмань П. 86
 Пальяра М. А. 121–122, 124
 Панаев И. И. 446
 Панин Н. И. 182–183, 187
 Паскье Н. 402, 409
 Паскье П. 397
 Паскье Э. 397
 Пастухов П. И. 155
Паицалья Л. 296
 Пейреск 53
 Пеллетье Т. 41, 393–394, 398
 Переяславский 272
 Песталоцци И. Г. 293
 Петр I, император 7, 9–10, 12–14, 17, 19, 157, 213, 261, 326, 413–415, 418
 Петр III, император 7, 29, 172–175
 Петров Р. 271
 Петровские-Бахчевские, украинский дворянский род 75
 Пий VI, папа 426
 Пинкертон 313
 Пиньятелли ди Стронголи Ф., князь 116, 118, 122–123
 Пиркгеймер В. 395
 Писарев Г. 255
 Писарев И. 270
 Платон 57
 Плещеев, юнкер посольства 416
 Плиний Старший 389
Плохий С. 61, 71
 Подладчиков Я. А. 342–343, 346
 Позняков А. И. 269
 Поланьи К. 103
 Полев И. 269
 Полетика Г. А. 154–156
- Полетика К. 272
Польской С. В. 208, 215
 Полянский И. А. 343–344
 Поповский Н. Н. 154
 Порошин А. И. 156
 Порошин С. А. 154–156, 160, 162
 Посохова Л. 10, 23, 27, 30
 Потемкин Д. А. 344–345
 Потт фон Люберас И. Л., барон 249
 Потулов 346
 Потье М. 44
 Потье О. 44
 Поэрио, баронесса 121
 Прасковья Иоанновна, царевна 262
 Прево д'Экзиль А. Ф. де 70, 460
 Прокопович-Антонский А. А. 335
 Прокудин-Горский М. И. 164
 Пуоти Б. 114
 Пуччи Дж. Ф. 111
Пушкарева Н. Л. 321
 Пушкин А. С. 445, 448, 459, 460
 Пущин А. 262
 Пфуль А. Х. фон 354
Раев М. 6, 9, 18, 20, 152, 208, 209, 240
 Разумовские, графы 158, 231, 233
 Разумовский А. К. 224, 291, 421
 Разумовский И. К. 422
 Разумовский К. Г., граф 157–158, 166, 216, 219, 223, 226, 228
 Разумовский Л. К., Г. К., графы 421
 Разумовский П. К., граф 421
 Райфенштайн И. Ф. 426
Рак В. Д. 160
 Ракоци, князь 92
 Рамус П. 381
 Расин Ж. Б. 71, 451, 459
Редин Д. А. 36
 Рейзнер М. 255
 Рекуперо У. 299
 Ренар 410
 Репешко Г. 272
 Репнин 196
 Ретцер Й. 284, 291
 Ржевский А. А. 155–156, 159
Ржеуцкий В. С. 23, 28, 34–35, 181, 183, 326, 412, 436, 457, 458
 Ришани Ш. де 131, 141
 Ришелье А. Ж. дю Плесси 136, 139

- Роден Ф. фон 250, 254
Роджерсон 234
Родио Л. 111
Ролен Ш. 153
Роль-Танги Э. 217
Романович-Славатинский А. В. 6
Ромм Ж. 34, 183–185, 190, 192–205, 216, 218–219, 222–225, 227–229, 233, 235, 237–238, 422
Росси В. Ш. 302, 303, 318
Рославлев А. 255
Рот Ф. 382
Ротшильд, баронесса 119
Румянцев-Задунайский П. А., граф 65, 74, 78
Румянцевы: П. А.; М. П.; Н. П.; С. П., графы 422
Русинов С. 268
Руссо Ж. Ж. 23, 32, 34–35, 70–71, 184, 188–190, 192–193, 198–199, 206, 215–216, 219, 222, 224, 226–229, 231, 233–234, 293, 324
Рымшин А. Я. 345
Рычков П. И. 154
Рюриковичи 12
Саблин А. М. 328, 336, 338, 342
Савойская М. Т. Ф., герцогиня 280
Салис-Швабе Дж. 121
Самарин А. 253
Сан-Никола-л'Арена 310
Сангро Е. де 121
Сангро Н. де 115
Сандonato, герцогиня 111, 121
Санчес А. Р. 28
Свитен Герхард ван 282
Свитен Готфрид ван 292
Сеги Л. 90, 105
Седов П. 16
Сен-Сюльпис Ж. де 398
Сенека 191
Сенютович Т. 66
Сервантес М. 409
Сесил У. 395, 398
Сечени Ф., граф 281, 290
Сиверс К. Е. 167
Сильвестр де Саси 205
Синдони К. 26
Сисмондо Д. 303
Сисмондо П. 303
Сковорода Г. 74
Скотт Х. 6
Смольянинов В. Н. 433
Смольянинов Ф. 271
Соаве Ф. 311
Сокологорский Я. 427, 436
Сократ 57, 189
Соллогуб В. А. 36, 445–464
Солодянкина О. Ю. 321, 457
Сперанский М. М. 29, 325
Спиридонова Тимковская П. 339
Спиноза Б. 406
Стараи, граф, венгерский дворянин 282
Стаховичи, украинский дворянский род 75
Степанова А. 342–343, 344
Стершанц К. У. 269
Столыпина Е. А. 341–342
Стороженки, украинский дворянский род 75
Стороженко А. 72
Стракан 111
Стрекалов С. Ф. 417
Строганов А. С., граф 34, 158, 183–185, 190–198, 201–207, 225, 237, 419, 420, 432, 437, 439
Строганов Г. А., барон, затем граф 199, 202, 422, 436
Строганов П. А., граф 34, 183–185, 190, 192–193, 195–207, 222–223, 225–227, 236–237, 422
Строганов С. Г., барон 190–191
Строганова Е. П., графиня 184, 197
Строганова С. А., графиня 203
Строгановы 20, 28, 216, 220, 231, 233, 241
Стронголи ди, княгиня 124
Сукманов А. 255
Сулагр де, мадам 114
Сулима А. С. 67, 76
Сулима Х. 71
Сулимы 67
Сулимы (Сулимовы): С.; Я. 272
Сумароков А. П. 153–156, 158–159, 162–163, 166, 231
Сытин И. 255
Таганов Д. 272

- Таллек Р. 358
 Татищев В. Н. 226, 260, 263
 Татищев Е. В. 263, 269
 Ташнер Р. 274
 Теплов Г. Н. 154
 Теплякова 345
 Тертр 136
 Теттау А. Ф. фон 249, 254, 263, 268
 Тиберий, император 258
 Тимковская А. —
 см. Алексеева-Тимковская
 Тимковская П. —
 см. Спиридонова-Тимковская
 Тимковская П. 339
 Тимковский Е. Ф. 75
 Тимковский И. Ф. 75
 Тимковский Ф. 78
 Тимман К. Ф. 428, 436
 Тиссо П. Ф. 193
 Тит Ливий 407
 Тоден С. 356
 Токвиль А. де 5
 Толмачев Я. В. 66
 Толстой А. И., граф 422, 426
 Толстой И. А., граф 416
 Толстой Л. Н., граф 416, 422
 Толстой Н. С., граф 216
 Толстой С. Ф., граф 216, 416
 Томас У. 399
 ТрEDIAKовский В. К. 154, 214
 Тризны, украинский дворянский
 род 75
 Трошинский М. 272
 Трубецкие, князья 426
 Трубецкой И. Д., князь 422
 Трубецкой И. Ю., князь 269
 Трубецкой Н. Ю., князь 156, 171
 Тургенев И. С. 445
 Ульрих И. А. 250
 Ульрихс Ю. П. 329, 334–335
 Урусов И. Ю., князь 340
 Урусова А., княгиня 340
 Ушаков С. 262
 Фаи, венгерский дворянин 282–283
 Фаре Н. 41, 52, 54
 Федеричи Л. К. 313
 Федюкин И. И. 19, 24, 178, 208, 209, 211
 Фекете, венгерский дворянский
 род 283
 Фельдхайм И. Л. фон 354
 Фенелон Ф. 23, 54, 70, 186, 205, 249, 384
 Феофанов А. М. 19, 30–31, 209
 Фербер Ш. А. 143–144, 148
 Фердинанд (Баварский),
 эрцгерцог 381
 Фердинанд I 309
 Фердинанд II 309
 Фердинанд III (Сицилийский)
 308, 309
 Фероннэ П. де ля 119
 Феррари М. 296
 Ферруччи К. Ф. 111
 Фештетич Й. 284
 Филанджбери 113
 Филанджбери Г. 112, 123
 Филанджбери К. 114
 Филанджбери Т. 111, 119, 121
 Филипп V 148
 Фиорелли В. 35
 Флери К. 54–55
 Фок М. А. де 70
 Фома Аквинский 278
 Фомина В. 343
 Фонвизин Д. И. 179, 231
 Фонтон Элизабет 119
 Фонтон Эфеми 119
 Формей Ж. А. С. 71
 Фракной В. 281
 Франке 249
 Франц Лотарингский 228
 Фребель Ф. 121, 124
 Фреде В. 34, 225
 Фрейслебен И. 165
 Фридрих Людвиг
 Нассау-Дилленбургский 377
 Фридрих II 250, 382
 Фридрих III 365
 Фридрих-Вильгельм I 9, 365
 Фрике Д. 392
 Фьески Ф. Р. 110
 Хаванова О. В. 27
 Хадики, венгерский дворянский
 род 283
 Ханенко 61
 Харламов Г. 271

- Харламов И. 271
Харткнох К. 369
Хауэлл Дж. 139
Херасков М. М. 155–156, 159, 163
Херляйн 283
Хитрово П. 255
Хованские, князья:
 А. В.; В. П.; П. В. 416
Хризоскулев 272
Церман И. 291
Цинке Г. Г. 287
Цицерон 68, 278, 312
Чаки Я. 290
Чарторыйская А.; Е.; К., князья 324
Черепанов Н. Е. 329
Черепнин Н. П. 332
Чернцов Г. 255
Чернышев Г. И., граф 422
Чернышев П. Г., граф 418
Чернышева Н. П., графиня —
 см. Голицына Н. П.
Чириков И. 268
Чихачев И. 263
Чоголков Н. 269
Чуди Т. Г. 154
Чудинов А. В. 203, 208, 228, 448, 457
Чулков В. И. 269
Чумаков Ф. И. 329
Шабельский С. 74
Шаликовы (Шаликошвили),
 князья 273
Шарт А. Г. фон 379
Шатилов И. 252
Шафиров Я. П., барон 414
Шафонский А. 76
Шаховской А. 422
Шаховской М. И., князь 171
Шверин фон, графы 363
Шевяков И. 63
Шеллинг Фридрих Вильгельм
 Йозеф фон 455, 461
Шенле А. 208, 232, 239
Шерборн, лорд 232
Шереметев Б. П. граф 271
Шереметев В. С. 421
Шереметев Н. П., граф 421
Ширле И. 212
Шишков А. С. 231, 324–325, 326, 346
Шоарт де Бузенваль Н. 44
Шонберг К. фон 380
Шплени, венгерский дворянский
 род 283
Шрадер К. 357
Шредер П. Б. 329, 335, 338
Штильфрид Э. 293, 294
Штиммер Г. 275
Шубы, украинский дворянский
 род 75
Шувалов А. И., граф 165, 171
Шувалов А. П., граф 417
Шувалов И. И. 22–23, 29, 153,
 165–179, 259
Шувалов П. И., граф 165–166,
 169–171, 259
Шуленбург Г. фон 379
Шумахер И. Д. 260
Шумов 328
Щербатов А. Н. 416
Щербатов И. А., князь 414
Щербатов М. М., князь 13, 155, 270
Щербачев М. 270
Щербинин Е. 77
Эзоп 313
Энгельбрехт Х. 276, 278
Энгельгардт А. 344
Эпине Л. д' 189, 206
Эразм Роттердамский 48, 77, 392
Эристовы, князья 273
Эрман Г. 45
Эстерхази, князья 283
Эстерхази М., князь 291
Юнг А. 242
Юсти И. Г. Г. 287
Юсупов Б. Г., князь 256
Юсупов Н. Б., князь 422, 427, 432
Яблонский Д. Э. 364–368, 373, 375
Ягужинский 245
Ягужинский С. П. 416
Яков VI 382
Яковлева-Логиновская М. 344
Яковлева-Тимковская А. 345

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Темы сгруппированы (например, «предметы учебные»), при поиске надо смотреть на главное слово, например: «религиозное воспитание» см. на «воспитание»; «идентичность дворянства» на «дворянство» и т. д. Учреждения расположены в алфавитном порядке названий, в том числе университеты, за исключением коллегиумов, которые см. на это слово. В редких случаях, когда соответствующая тема затронута в тексте сноски, мы указываем только номер страницы, но не номер сноски. Названия литературных произведений, педагогических сочинений и периодических изданий выделены курсивом.

- академии дворянские 53, 134–138, 150, 371, 401, 414
 - в Берлине 414
 - в Копенгагене 414
 - латинские ~ 371
 - рыцарские ~ (Rittersakedemien) 358, 367, 383
 - юридические ~ 87
- Академия Любранская (Lubrański) 370
- Академия Херборна 378
- амбиция (или честолюбие) 164, 181, 247, 380
- «анкуражирование» 247
- армия 9, 10, 15, 30, 97, 100, 149, 162, 175, 255, 261, 263, 268, 277, 372, 378, 379, 407, 438
- Артиллерийская школа 256, 270
- аттестат (свидетельство об окончании учебного заведения)
 - 254, 271, 294, 322, 434
- Берлинский кадетский корпус 248–250
- Берлинский университет 454–455
- библиотеки
 - Терезианума 289
 - Болонский университет 395
- буржуазия, буржуа, буржуазный патрициат 11, 28, 32, 36, 42, 102, 105, 107, 109, 112, 122, 218, 228, 229, 235, 241, 242, 358–359, 383
- бюрократия 27, 29–30, 103, 105, 171, 275, 288, 294, 313, 478; см. также чиновники
- Венская академия изящных искусств 96–98
- Венская ветеринарная школа 96, 98
- Венская школа протестантского богословия 96, 98
- Венская школа сельского хозяйства 98
- Венский университет 86, 91, 93, 97–99, 287
- «вестернизация» дворянства 17–19, 63, 68, 75, 181–182; цена ~ 18–19
- Виттенбергский университет 76, 379–381

ВОСПИТАНИЕ

- античная модель ~ 47, 186, 189, 385
- гражданина, гражданское ~ 198, 201, 206, 324, 333
- домашнее — см. образование: домашнее
- женщин в монастырях 112–113, 115, 120
- наследника престола 182
- национальное ~ 324–326
- нравственное или моральное ~ 66–67, 185–188, 192, 196, 199, 221–222, 228, 278, 284, 288
- образ ~ в литературе 36, 445–464
- «общественное» ~ 326
- религиозное ~ 48–49, 51, 72, 215, 221, 227, 278
- семейное ~ 293
- «сердца» 182, 187, 192, 200, 206, 221; см. также воспитание, нравственное
- стратегии ~ — см. образование, стратегии
- учебники по ~ 391–392
- физическое ~ 52–53, 150, 214, 220–221, 233, 234, 371
- «французское» ~ 28, 62, 187–88, 219–220
- воспитатели — см. гувернеры
- Воспитательное общество благородных девиц 24, 212, 326, 327, 332–334
- Воспитательный дом — см. Московский воспитательный дом
- воспитательные планы (*plans d'éducation*) и учебные программы 130, 134–135, 143, 150–151, 200, 217, 220, 231, 236, 329–332, 423
- Галльский университет 76, 413–414
- Гейдельбергский университет 76
- Геттингенский университет 157–158
- Гимназия протестанская (Торунь) 369
- Главный Педагогический институт (Петербург) 323
- государство и образование дворянства 165–177, 208, 211–213, 276, 287
- грамотность — см. дворянство, грамотность ~
- Гран Тур* (*Kavalierstour, Cavaliersreise*) 33–34, 157–158, 180, 185, 190, 197–198, 219, 222–223, 356–359, 372–378, 384–410, 454–456
- как венец образования аристократов 403, 435, 438
- география и маршруты ~ 373–377, 395–396, 398, 401, 411, 420, 425–426, 429–433, 444
- истоки ~ 384–409, 411–412
- по родной стране 222–223, 236–238, 240
- русских дворян 413–444
- тематическое содержание ~ 373–377, 412
- см. также образовательное путешествие; Париж в образовательном путешествии дворянина; Страсбургский университет
- гувернеры и гувернантки (частные наставники или учителя) 145, 147–148, 192, 219, 323, 357–359, 367–368, 370, 379, 381
- домашние наставницы 321, 323, 347
- педагогические убеждения ~ 218–231
- роль ~ в образовательных путешествиях 432–434
- социальное происхождение ~ 189, 218–219, 235, 450
- уважение к ~ 194, 197

гувернеры и гувернантки (*продолжение*)

на Украине 67–68

французские ~ 321, 326

см. также: ментор

двор 35, 42, 55, 230–231, 250, 277–281, 285, 288, 290, 374–375, 380, 382–383;

см. также придворный

дворянство (шляхетство) 246, 255–256, 258–259, 262, 266, 270; см. также

общение в воспитании дворянина

австрийское ~ 12, 274–295

авторы: благородство и подлордство 160, 162–163

английское ~ 13, 16, 17, 139

аристократия — см. дворянство, высшее

венгерское ~ 30–32, 82–105

владение землей 11–12, 15–16

высшее ~ 13–21, 29, 35, 54, 61, 182, 198–199, 217, 240, 277, 281–283, 358, 367,

420–437; влияние высшего ~ на воспитание ребенка 181, 225, 229, 230, 235;

источники информации о его воспитании 22–23, 61, 210–218;

критика его воспитания 35, 183, 218–231; его образовательные стратегии

61–62, 64, 74, 209, 231, 279, 280; педагогические взгляды ~ 231–240; см.

также воспитание, домашнее ~; социализация в аристократическом

обществе

генералитет 14, 30–31

германское ~ 22

грамотность ~ 19–20, 311

древность ~ 7, 12–14, 33, 81, 383

«европейское» ~ 5–21

идентичность ~ 25–26, 129; родовая ~ 369

изучение ~ 5–21

имения — см. владение землей

итальянское ~ 16, 106–125, 141, 296–319

карьерные возможности ~ 28–30

магнаты 16, 32

мантии 25, 41–59, 129, 150; «советники» 371

наследование ~ 11, 202

неаполитанское ~ 106–125

немецкое ~ 351–383

нижнее ~ 14, 29, 240, 277, 282, 283, 287, 358–359; его образовательные

стратегии 64, 75–77, 79, 81

образование российского ~ 19–20, 29

«отчуждение» российского ~ 18–21

педагогические взгляды ~ 70–71, 157–165; см. также: дворянство:

высшее; педагогические взгляды ~

польское ~ 16, 361

прибалтийское ~ 12, 24–25

провинциальное ~ 24, 320, 340–345, 347

просвещенность ~ 29, 181; см. также дворянство, грамотность ~;

образование ~

профессионализация ~ 28, 30

прусское ~ 16, 362–368

- регламентация поведения ~ 24, 204, 360
российское ~ 6–21, 25, 28–30, 152–242, 320–348, 410–464
сицилийское ~ 296–319
служба ~ 8–10, 42, 62, 209–210, 229, 239, 287, 358, 371–372, 377–378, 380, 383;
 пажеская ~ 358
среднее ~ 20, 358
стратификация ~ 13–14
титулы и титулованное ~ 12–13, 15–16, 31
украинское ~ 10, 12, 23, 60–81
участие в центральном и местном управлении 15
французское ~ 12–13, 16–17, 25, 41–59, 129–151
численность ~ 9–10
школы для ~ 19, 23
шпаги 25, 41–59, 150; «воины» 371
юридический статус ~ 15
языковое поведение российского ~ 20, 26, 181
домашнее обучение и воспитание — см. образование, домашнее
дружба 34, 181–207, 215, 224, 233
духовенство 17, 26, 32
Жалованная грамота дворянству (1785) 7–8, 15
Женевский университет 382
женщины в управлении образованием и образовательными заведениями
 109, 110, 111, 115–116, 121, 122, 124
журналы
 Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие 1
 54, 157, 160–161, 164
 Невинное упражнение 164
 Полезное увеселение 158
 Праздное время в пользу употребленное 155, 158
 Свободные часы 159, 163–164
 Трудолюбивая пчела 155, 158, 162
здоровье 36, 233, 234; см. также физическое воспитание
зеркала 378; ~ государей (Fürstenspiegel, miroir des princes) 360
иезуиты 23, 26–27, 50, 53, 62–63, 72, 76, 85–86, 92, 131, 279, 280, 285–286, 288,
 290, 306–309, 311, 316, 370
 изгнание ~ 85, 86, 297, 298–300, 305–306, 309, 316
 см. также коллегии, католические, в том числе иезуитские
Йенский университет 76
инженерное и артиллерийское дело 77
институциональное обучение в России 209; ~ во Франции 130; ~ для
 дворян 133
искусство быть приятным 214
Истинная политика знатных и благородных особ 23, 214
Кадетский корпус — см. Сухопутный шляхетный кадетский корпус
Кельнский университет 76
Кенигсбергский 76, 250
Киево-Могилянская академия — см. коллегии, Киевский ~
классики в воспитании 228, 240

- книги для детского чтения 69–72
Коимбрский университет 219
коллегиумы, колледжи 357–359, 367, 371
 иезудтский ~ в Торуни 370; в Познани 370
 католические, в том числе иезудтские ~ 48–50, 52–53, 56, 62–63, 72, 76, 88, 136, 140, 143–145, 150, 369
Киевский ~ (Киево-Могилянская академия) 63, 65, 67, 69, 72–75, 77–78
Кутелли, на Сицилии 26–27, 296–319
Переяславский ~ 63
 православные ~ 61, 63, 65, 72–75, 77
 на Сицилии 26–27, 296–319
 на Украине 23, 27
Харьковский ~ 63, 66, 72–73, 75, 77
Черниговский ~ 63, 74
Колошварская академия (Венгрия) 87
Комиссия по составлению нового Уложения (1767) 13
корсет 234
Краковский университет 99, 370
крепостные 15, 256, 257
купцы, купечество 142, 356
Лейденский университет 219, 278, 367, 369–372, 382, 412, 414, 427
Лейпцигский университет 76, 278, 414, 428
Лембергский университет 99
манеры дворянина и придворного 26, 55–56, 62, 228, 232, 246, 278, 314, 367, 374–375, 386, 388, 395, 398, 401, 437, 459
Манифест о вольности дворянской (1762) 7, 418
масонство 122, 193, 428
Медико-хирургическая академия 328
«ментор» 187, 191–192, 206, 432, 434, 437
Меншиковский дворец 248, 267
меритократический принцип 29, 32
Морская академия 248, 262
Московский воспитательный дом 320, 321, 323–324, 327, 328–332, 335–337, 346–347
 воспитанницы ~ 320, 327, 328, 335–337, 347
 выпускные экзамены класса наставниц 335–336, 339
 класс домашних наставниц ~ 320, 321, 326–328, 331–332, 335–336, 346
 классные дамы ~ 326–327
 объявления в газетах о выпуске наставниц 336–338
 Опекунский совет ~ 320, 327, 332, 336, 338, 340, 343–344, 347
 распределение домашних наставниц 338–340
 учебный план класса наставниц 329–332
Московский университет 30, 31, 78–79, 157–159, 166–167, 170, 175–176, 211
надзирание 102, 124, 257, 258, 269, 270, 272
Надьсомбатский университет 91–92
наказания 202–203, 224
наставницы — см. Московский воспитательный дом
науки — см. «польза наук»

- националистический дискурс в образовании 324–326, 347
нравственное воспитание — см. воспитание, нравственное
О Воспитании детей господина Локка (Мысли о воспитании) 23, 70, 189, 193, 216, 226, 415, 433–434
- образование
военное 385–386, 420–421; см. также предметы учебные, военное дело
гуманитарное 43, 48, 53, 368
гуманистическое 388–389, 392
домашнее 31, 46, 56–58, 61, 64–65, 68–69, 113–114, 118, 165, 168, 181–208, 231–240, 270–271, 321, 346–347, 359, 447, 450–452
для женщин 35–36, 108, 112, 114–115, 120–121, 123, 130, 229–230, 332–334
«латинское» ~ 75–77; см. также язык, латинский
медицинское ~ 86, 92–93, 100, 103
модели ~ 43, 50–53, 59, 151, 359, 403–409
модернизация ~ 25–28
«полезное» ~ 228, 462–463
для придворного 230
без принуждения 199, 203–205
профессиональное ~ и профессионализация 28, 30, 229
реформы ~ 173, 177, 179
стратегии ~ 10, 30, 57, 60–62, 64–65, 75–76, 78, 81, 90, 97, 105, 239, 241, 271, 275, 296, 458, 462, 464
университетское — см. университет
частное ~ 24, 208; см. также образование, домашнее
- образовательное путешествие 222, 232, 236–238, 383, 410–444
и дипломатическая служба 414–417, 419
и политика государства 413–418
практика ~ в Европе XVI в. 394–398
как способ воспитания аристократии в литературе об образовании 387–394, 401–403
см. также *Гран Тур*
- образовательные траектории 356–357, 382
общение в воспитании дворянина 25, 28, 132, 188, 214, 234–236, 240, 253, 436–437; см. также социализация в аристократическом обществе
Общество Иисуса — см. иезуиты
О должностях человека и гражданина 333
Опыт энциклопедического обозрения [...] наук 330, 334
Отеческие советы моей дочери 333, 334
- «отечество» 215, 284
Падуанский университет 397
Пажеский корпус 209
пансионы 75, 208, 322, 346, 452–454
Париж в образовательном путешествии дворянина 232, 235, 371, 373–375, 413, 415–417, 426, 427, 430, 454–456
патриотизм 201, 240, 284; см. также «отечество»
патрициат — см. буржуазия
педагогическая литература в России: переводная 213–216; официальная 212; французская 184

- Петербургский университет 66
пиаристы (католический учительствующий орден) 280, 285, 290, 305
пиетизм 249
Пожонская (Прессбургская) академия 87
политехнические учебные заведения в Австрии 87–88, 97–99, 103
«польза наук» и книжного знания 159–161, 163–164, 170, 177, 371
практическое обучение на службе 357
предметы учебные в образовании дворянства
 анатомия 48
 арифметика 66, 77, 114, 146, 214, 257, 258, 269, 271, 285, 314, 345, 379, 450
 артиллерия 55, 77
 архитектура (гражданская и/или военная) 101, 102, 286, 412
 астрономия 137, 146–147, 227, 310, 311, 370, 450
 богословие, богословское образование 72, 96, 99, 101, 200, 300, 314
 борьба 52, 135
 ботаника и зоология 124, 238, 286
 верховая езда 28, 52–53, 134–136, 144–145, 226, 227, 234, 257–258, 273, 278, 285, 310–311, 314, 371, 432
 военное (рыцарское) дело (искусство) 52, 55, 89, 103, 132, 134–135, 139, 145, 273, 285, 358, 375; см. также стратегия военная; стрельба
 генеалогия 49, 137
 география 48, 55, 114, 118, 135, 137, 140, 146–147, 161, 165, 200, 211, 214, 237, 258, 278, 285, 314, 317, 330–332, 335, 370, 435, 450
 геодезия 77
 геометрия 66, 77, 146, 228, 258, 271, 331, 335
 геральдика 55, 146–147, 220, 432, 435
 грамматика 49, 114, 118, 131, 137, 141, 145, 147–148, 151, 300, 310, 312, 317, 332, 380
 гуманитарные науки 41, 43, 49, 51, 53–54, 58, 136, 226, 300, 311, 370, 386, 388, 392
естественная история 27, 228–229, 278, 331, 335
живопись 131, 135, 228
закон Божий 331, 335
игра в мяч 52
игра на гитаре 144
иностранные языки — см. языки
история 48–49, 51, 54–55, 118, 132, 135, 137, 139–140, 146–147, 200, 227, 237, 258, 285–286, 300, 314, 317, 330–331, 335, 345, 370, 435, 450
картография 137
литература или словесность (*lettres, belles-lettres*) 51, 53–55, 118, 134, 146, 227, 235, 314, 322, 450–451
 античная ~ 47, 69, 118, 132, 135, 285
 немецкая ~ 335
 русская ~ 240, 335
 французская ~ 53, 335
логика 49, 118, 137, 214, 285, 310–311, 332
математика 55, 77, 121, 134–135, 137, 139, 146–147, 227, 234, 278, 286, 289, 310, 314, 370, 450
механика 237

- минералогия 287
- мифология 49, 54, 137
- мораль 137, 214, 229
- музыка 27, 48, 53, 70, 131, 135, 114, 124, 233, 314–315, 330, 331, 335, 345
- «новые» предметы 27, 151
- нумизматика 286, 289
- оптика 137
- плавание 52, 135
- политика и камеральные науки 27, 49, 135, 137, 214, 287, 370, 435
- политическое право 229
- поэзия 131, 225, 240, 285
- поэтика 137, 370
- право, правоведение, юриспруденция 26, 32, 51, 54, 85–88, 100–101, 146, 258, 285, 295, 302–303, 370, 413, 466
 - гражданское ~ 26, 229, 297, 310
 - естественное ~ 229
 - каноническое ~ 26, 297, 310
 - римское ~ 54
- рисование 53, 77, 114, 124, 146, 200, 257, 272, 314, 331, 345
- риторика 214, 278, 286, 332, 451
- рукоделие 322, 330–331
- рыцарские упражнения 371–372; см. также военное дело
- словесность — см. литература
- стратегия военная 135; см. также военное дело
- стрельба 53
- танцы 28, 52–53, 114, 134–136, 114, 213, 220, 225–226, 233–234, 239, 257–258, 273, 310, 314, 332, 371
- теология 100, 371, 380
- фехтование 52–53, 134–136, 144, 213, 227, 234, 257–258, 273, 285, 310–312, 314, 371, 432
- физика 214, 278, 285–286, 289, 292, 335
- философия 72, 88, 118, 214, 258, 271, 278, 286, 300, 331
- фортификация 55, 134–135, 146–147, 161, 165, 211, 234, 257–258, 271, 278
- химия 227, 238, 287, 315
- хронология 137, 146–147
- чистописание 331
- экономика 276
- «энциклопедия» 330, 335
- эпистолярный жанр (стиль) 142–144
- этика 49
- Преображенский полк 250, 272
- пресса 22–23, 154–165, 213, 231, 235, 252, 334
- придворный 26, 33–35, 52, 54, 202, 213, 215, 221, 228, 230, 234, 240, 242, 252, 278, 291, 294–295, 385–388, 398, 400–401, 403–406; см. также двор
- Приключения Телемака* Фенелона 23, 70, 186–187, 190–191, 206, 219, 249, 384
- примеры для подражания как средство воспитания 56–58, 276, 312, 351, 375, 385, 397, 438–439
- природа в воспитании 223, 229

- «приятные искусства» («arts d'agrément») 225–227, 240–241
 проблема возраста в воспитании 170, 175, 192, 211, 222, 263, 310, 311, 315, 341, 433–434
 просвещение 173, 178–179
 «просвещенное благочестие» (*pietas litterata*) 62, 69
 Прусская королевская академия наук в Берлине 367
Разговор Аспазии с Аристиппом о том, прилично ли женщинам быть учеными 334
 разночинцы 31
 рвение 247, 254, 259
 регламентация поведения и учебного процесса в учебных заведениях 24, 251, 256, 287
 роскошь 303–304
 Ростовский университет 76
 рыцарская академия как учебное заведение 33, 274, 279–280, 284, 358, 375
 Саламанкский университет 219, 302
 самообразование 356
 Санкт-Петербургский университет — см. Петербургский университет
 светскость как результат воспитания 70, 225, 228, 233, 240–241, 375, 423, 436–437, 454, 461
 сельское хозяйство в образовании 223, 238–239, 286
 Селмецбанская академия горного и лесного дела (Венгрия) 87
 Сен-Сир (институт для девиц во Франции) 114
 сентиментализм и сентиментальный язык 34, 182–183, 185, 190–191, 195, 198, 201, 205, 207, 333
 склонности (природные склонности, *génie*) 48, 247–248, 253–255, 259, 273, 416
 Славяно-греко-латинская академия 32
 Смольный институт — см. Воспитательное общество благородных девиц
 социализация в аристократическом обществе 118, 119, 225, 376, 436–437;
 см. также общение в воспитании дворянина; светскость как результат воспитания
 стипендии 278, 294
 стихи 47, 69, 240, 252, 285, 335, 388, 453; см. также предметы учебные, поэзия
 Страсбургский университет 31, 76, 382, 412, 423–425, 427–429
 Сухопутный шляхетный кадетский корпус 23, 28, 155, 170, 174, 209, 212, 216, 245–273, 323
 Табель о рангах (1722) 11
 театр в воспитании 35, 112, 119, 221, 235
 Терезианский дворянский коллегийум Общества Иисуса — см. Терезианум
 Терезианум 23, 28, 274–275, 278–284, 286, 288–295; см. также библиотеки, Терезианум
 Турин как место воспитания дворянина 221
 Туринский университет 423
 Тюбингенский университет 414
 университет 30–32, 63, 68, 72, 75–76, 79–80, 136, 145, 150, 277–278, 286–287, 291, 293, 297, 302, 306–307, 323, 357–359, 371, 383, 414, 420, 423
 в Австрии (и во владениях Габсбургов в целом) 30–31, 86, 88, 91, 93–99
 в Венгрии 85–87, 90–94, 105
 в Германии 30, 32, 68, 76, 88, 91, 93–95, 99–100, 228, 287, 371, 381

- в Испании 297, 302, 303
- в Италии 381
- в Польше 96, 98–99
- в России 30–31, 242; см. также Московский университет;
Петербургский университет
- на Сицилии 297
- на Украине 65, 79, 80
- во Франции 381
- в Чехии 98
- см. также на название университета; образование, университетское ~
- учебники 140–141, 143–145, 391, 399–400, 402
- учебные планы 280, 285, 286; см. также воспитательные планы
- учителя — см. гувернеры
- учтивость 228, 423
- физический труд в воспитании 226
- форма учащихся 316, 318
- Харьковский университет 65, 80
- Хельмштедский университет 382
- частное обучение — см. образование, частное, и образование, домашнее
- «честный человек» (*honnête homme*) 194, 198, 202, 214–215, 247, 461
- честь 215
- чиновники, чины и чинопроизводство 30–31, 41, 43, 65, 83, 89, 92, 93, 260–
263, 265–266, 273, 276, 283, 291, 294
- чтение в процессе воспитания 47, 71, 220, 228, 436
- газет 252
- школьный устав 1804 года 322
- школы
 - латинские 358, 371, 381
 - немецкие 357
- Эдинбургский университет 232
- Эмиль Руссо 23, 70, 184, 188–190, 193, 199–200, 216
- эмоции 24, 95, 185, 246, 252–253
- Эрлангенский университет 428
- этикет 62, 227, 246, 463
- Юности честное зерцало* 213
- языки 26, 49, 55, 129–151, 214, 223–224, 233, 322, 331, 416, 420, 432, 435
 - английский 118, 124, 142, 145–146, 148–149, 315, 432
 - греческий (древнегреческий) ~ 47–49, 51, 102, 135–138, 146, 236–238, 240,
300, 310, 312, 316–317, 393
 - испанский ~ 55, 138, 146–147
 - итальянский ~ 26, 55, 114, 121, 131, 133, 138, 141–142, 144, 146–148, 286, 289,
310, 312–313, 314, 317, 382, 391, 397, 399, 432
 - латинский ~ 26–27, 35, 47–49, 51–56, 66, 68, 74, 85–86, 95, 102, 118, 130–132,
134–140, 144, 146–150, 224, 234, 236–238, 258, 269, 277, 283, 285–287, 289,
300, 310, 314, 317, 368, 378–380, 391, 393, 451, 480
 - национальный ~ 95, 129–151, 324
 - немецкий ~ 27, 35, 55, 66, 68, 77, 88, 102, 124, 146, 161, 165, 181, 211, 236–237,
252, 257–258, 269–270, 272, 285–286, 289, 327, 329, 331, 345, 391, 420

языки (*продолжение*)

польский ~ 88, 368, 370

родной ~ 26–28, 130, 132, 134–141, 223–224, 235–237, 286; см. также язык, национальный ~

русский ~ 20, 66, 223, 227, 235–238, 240, 258, 331; см. также язык, родной ~ турецкий 272, 292

французский ~ 26–27, 48–50, 55, 66, 68, 77, 114, 118, 124, 144, 147–148, 150, 237, 258, 269–270, 286, 289, 314, 331, 345, 368, 382, 420, 450–452

церковнославянский ~ 65–66, 224, 236–237

Grand Tour — см. *Гран Тур**Peregrinatio academica* 381, 395, 400*pietas litterata* — см. «просвещенное благочестие»*Ratio educationis* 88*Ratio Studiorum* 23, 26, 28